

Объ отмянъ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, по русскому праву ¹⁾.

Въ европейской юридической литературѣ и практикѣ вопросъ о силѣ судебныхъ рѣшеній весьма старъ. Со временъ Рима и до нашихъ дней, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе юристовъ и многочисленные ученые труды свидѣлствуютъ о его важности и значеніи въ европейской жизни. — Для насъ, напротивъ, этотъ вопросъ имѣетъ весь интересъ новизны. Направленіе нашей старой судебной практики, и условія нашего государственнаго быта не могли, способство-

¹⁾ Настоящая статья, съ измѣненіями, приличными случаю, была прочитана, какъ рефератъ, въ засѣданіи уголовного отдѣленія петербургскаго юридическаго общества 11 февраля 1878 года. Источниками и пособіями при составленіи ея служили:

Т. 1 осн. зак. ст. 68. Учрежд. суд. уст. ст. 249, 250. Уставъ угол. суд. ст. 1, 14, 21—26, 180—182, 542, 858, 874, 889, 891, 907, 909, 912, 927, 931, 934—945, 957, 4 и 5 н. 959.

Рѣшенія касс. сената: I. Общаго собранія: 1866 г. № 94; 1867 г. № 608; 1868 г. № 132, 272; 1869 г. № 1, 3, 17, 30; 1870 г. № 3, 35; 1871 г. № 72, 136, 140; 1872 г. № 3, 8, 43, 63, 75; 1873 г. № 9, 17; 1874 г. № 4, 21, 25; 1875 г. № 6, 15, 25, 35, 58. II. Уголов. кассацион. департ. 1867 г. № 223, 290, 308, 308, 588; 1868 г. № 13, 75, 401, 853; 1869 г. № 639, 720, 859, 877, 940; 1870 г. № 363, 485, 639; 1871 г. № 577, 1319, 1355, 1824; 1872 г. № 177, 651, 869, 1008, 1247, 1335; 1873 г. № 209, 587, 665, 787; 1874 г. № 233, 377, 518, 605; 1875 г. № 2, 328, 536, 643.

Бунковскій. Очерки суд. порядк., стр. 582—614. Будзинскій. О силѣ суд. рѣш., стр. 47—61. Квачевскій. Объ уголов. преслѣд., часть I, стр. 318—382. Макашевскій. Рук. для суд. слѣд., стр. 77—88. Неклюдовъ. Рук. для мир. суд., томъ I, ч. 1, 58—68; ч. 2, 720—737. Чебышевъ-Дмитріевъ. Рук. угол. суд., ч. 1, стр. 242—253 ч. 2, стр. 735—756.

ж. гр. и уг. пр. кн. III. 1878 г.

вать его постановкѣ. Первостепенная важность принципа силы судебного рѣшенія впервые была признана судебными уставами 20 ноября, а назрѣвшая практика дѣйствующаго суда впервые даетъ матеріалъ, достаточный для самостоятельнаго изслѣдованія и разрѣшенія этого вопроса, на основаніи началъ русскаго процессуальнаго права.

Вопросъ о силѣ судебныхъ приговоровъ слишкомъ сложенъ для того, чтобы такое рѣшеніе могло быть предложено въ короткой журнальной статьѣ. Надѣясь, современемъ, представить читателю болѣе подробное изложеніе этого важнаго предмета и дать болѣе полное развитіе положеніямъ здѣсь высказаннымъ, я, въ настоящее время, могу лишь намѣтить приемы и способы такого изложенія.

I.

Неизмѣнность приговора, вошедшаго въ законную силу, есть основное начало нашей судебной системы, таково мое первое положеніе. — На первый взглядъ оно кажется совершенно безспорнымъ, но, на самомъ дѣлѣ, въ опредѣленіи главнаго понятія—уголовнаго приговора, существуютъ весьма серьезныя разногласія.

Я держусь того мнѣнія, что въ состязательномъ процессѣ уголовнымъ приговоромъ слѣдуетъ признать всякое опредѣленіе, исходящее отъ судебной власти, уполномоченной на постановленіе уголовныхъ приговоровъ вообще, если имъ разрѣшается вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго и вытекающихъ отсюда послѣдствіяхъ.

Весьма многіе не раздѣляютъ этого воззрѣнія; они находятъ, что постановленія судебной власти имѣютъ свойство уголовного приговора только тогда, когда эта власть дѣйствовала въ предѣлахъ даннаго ей уполномочія или компетентности. Наконецъ, существуетъ третье мнѣніе, которое идетъ еще дальше и для наличности уголовного приговора, сверхъ компетентности суда, требуетъ еще, чтобы приговоръ былъ

законенъ, исполнимъ и постановленъ при соблюденіи всѣхъ правилъ судопроизводства, предписанныхъ закономъ.

Разногласіе этихъ мнѣній заключается не въ томъ, должна-ли законность приговора, а слѣдовательно и наличность всѣхъ исчисленныхъ условій, предполагаться въ немъ *ipso iure*, въ каждомъ данномъ случаѣ, а въ томъ, дѣлается ли опредѣленіе судебной власти, вслѣдствіе фактическаго отсутствія одного изъ нихъ, или даже всѣхъ ихъ въ совокупности, не-дѣйствительнымъ, ничтожнымъ, какъ бы не существующимъ, неспособнымъ пріобрѣсть силу закона и не требующимъ отмѣны, или же каждый подобный приговоръ дѣйствителенъ самъ по себѣ и можетъ быть уничтоженъ не иначе, какъ въ порядкѣ, предписанномъ законами.

Чтобы рѣшить, какое изъ изложенныхъ сужденій наиболее вѣрно, необходимо каждое изъ нихъ подвергнуть подробному изслѣдованію. Правда и предпочтительность должны остаться на сторонѣ того мнѣнія, которое выдержать это изслѣдованіе и окажется наиболее цѣлесообразнымъ, т. е. согласнымъ съ основными началами процесса, интересами правосудія, общественнаго порядка и правами отдѣльных лицъ.

Для простоты и ясности изложенія, остановимся на послѣднемъ изъ изложенныхъ мнѣній, такъ какъ въ сущности оно заключаетъ въ себѣ и второе. Допустимъ на минуту, что оно можетъ быть принято, и посмотримъ на результаты, къ которымъ оно приводитъ.

Первымъ логическимъ послѣдствіемъ принятія воззрѣнія на незаконный приговоръ, какъ на ничтожный, не существующій самъ по себѣ и не нуждающійся въ отмѣнѣ установленнымъ порядкомъ, является право неподчиненія такому приговору, а слѣдовательно и право противодѣйствія его исполненію; а такъ какъ понятіе о законности приговора есть понятіе настолько условное и растяжимое, что ни объ одномъ приговорѣ нельзя сказать *a priori*, что онъ законенъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. что онъ постановленъ съ точнымъ соблюденіемъ смысла закона, правилъ о подвѣдомственности дѣлъ и всѣхъ постановленій о судопроизводствѣ, то прямымъ

результатомъ этой системы является уничтоженіе непреложности судебныхъ приговоровъ вообще. Оставляя состоявшійся приговоръ на волю случая, прихоти и произвола, разсматриваемое воззрѣніе разрушаетъ то, что стремится создать. Охраняя законность, оно отрицаетъ ее; ограждая общественный порядокъ, оно подрываетъ его; дѣлая каждое частное лицо и каждаго представителя власти судьей надъ судьями, оно приводитъ къ общественной анархіи, къ уничтоженію всякихъ признаковъ обеспеченности правъ общественныхъ и частныхъ.

Достаточно приложить со всею послѣдовательностью эту систему, въ любомъ государствѣ, въ теченіи одного только года, чтобы убѣдиться въ ея невозможности. Этого мало, право отрицанія и даже обороны противъ незаконныхъ судебныхъ приговоровъ, допускаемое нѣкоторыми юристами, идетъ въ прямой разрѣзъ съ главнѣйшими положеніями современнаго уголовного процесса. Имъ упраздняется прежде всего институтъ судебной защиты посредствомъ обжалованія неправильныхъ и противозаконныхъ приговоровъ. Къ чему сторонамъ принимать на себя тяготу жалобъ на незаконные приговоры, если они могутъ прямо имъ не подчиниться? Съ другой стороны, эта система открываетъ безконечные поводы къ вмѣшательству администраціи въ дѣло суда. Пусть представительство обвиненія со стороны государства сосредоточивается въ одной прокуратурѣ—это все равно; прокуратура не есть судебная власть, чрезъ нее, посредственно или непосредственно, администрація получаетъ легкую возможность дѣлать оцѣнку каждаго приговора и отрицать существованіе тѣхъ, которые, по ея мнѣнію, незаконны. Изложенные начала: состязательности въ процессѣ и отдѣленіе суда отъ администраціи настолько важны, что при нарушеніи ихъ нельзя считать достаточно охранительными и всѣ другія правила и принципы судопроизводства.

Если такимъ образомъ принятіе ученія о недействительности незаконныхъ приговоровъ вообще приводитъ къ ниспроверженію всѣхъ цѣлей правосудія и всѣхъ правилъ су-

допроизводства, то не слѣдуетъ ли остановиться на второмъ мнѣніи несравненно болѣе распространенномъ? Сущность его можно выразить такъ: каждый судъ можетъ дѣйствовать лишь въ предѣлахъ данныхъ ему полномочій; выходя изъ этихъ предѣловъ, онъ перестаетъ быть судомъ, поэтому и постановленія его не могутъ считаться судебными приговорами; это есть акты, не имѣющіе никакого законнаго значенія, и потому они не нуждаются въ отмене; это не есть судебные акты, ибо судъ мыслимъ только въ предѣлахъ своей компетентности. Изложенное мнѣніе на первый взглядъ подкупаетъ своею умѣренностью и логичностью, но въ сущности нѣтъ никакой причины отдавать ему предпочтеніе предъ предъидущимъ. Въ 1-хъ, это вовсе не есть мнѣніе среднее, какъ многіе ошибочно думаютъ; съ точки зрѣнія лицъ, его раздѣляющихъ, приговоръ долженъ считаться одинаково некомпетентнымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда судъ принимаетъ къ своему разбирательству дѣло ему неподвѣдомое, такъ и въ томъ случаѣ, когда онъ, по дѣлу ему подсудному, опредѣляетъ наказаніе, превышающее мѣру его власти или неустановленное закономъ. Другими словами, означенное мнѣніе обнимаетъ не одинъ, а два пункта мнѣнія предъидущаго; въ томъ же случаѣ, когда понятіе о судѣ некомпетентномъ отождествляется съ понятіемъ о судѣ ненадлежащемъ, окончательно исчезаетъ всякая разница между обоими мнѣніями, такъ какъ судомъ надлежащимъ очевидно можетъ быть названъ только тотъ судъ, который имѣлъ опредѣленный закономъ составъ и произведенъ по всѣмъ правиламъ судопроизводства. Во 2-хъ, то, что обыкновенно говорится въ защиту недействительности приговоровъ некомпетентныхъ судовъ, буквально можетъ быть приложено къ нарушенію каждаго изъ правилъ судопроизводства, а именно: каждый судъ уполномоченъ дѣйствовать не иначе, какъ въ опредѣленномъ закономъ составѣ, и не иначе, какъ по правиламъ, предписаннымъ для того закономъ, поэтому, нарушеніе какого либо изъ этихъ правилъ уничтожаетъ понятіе о законномъ судѣ, а слѣдовательно и приговоръ. Далѣе, каждый судъ уполномо-

ченъ назначать наказаніе не иначе, какъ по точному разуму законовъ, поэтому и нарушение этого разума уничтожаетъ понятіе о законномъ судѣ, а слѣдовательно и приговорѣ. Словомъ, принимая второе мнѣніе, мы естественно и неизбежно цѣликомъ возвращаемся къ первому. Но если первое несостоятельно, то несостоятельно и второе. Но даже и въ томъ случаѣ, когда послѣднее мнѣніе сводится исключительно къ однимъ нарушеніямъ подсудности, оно не можетъ быть принято по слѣдующему основанію: ниже будетъ доказано, что правила о подсудности не заключаютъ въ себѣ ничего чрезвычайнаго; это простыя правила судопроизводства и ничего болѣе; они безспорно важны, но ихъ важность не можетъ простираться дальше соблюденія особыхъ мѣръ, установленныхъ для ихъ охраненія; въ основательности сказаннаго нетрудно убѣдиться на любомъ примѣрѣ. Какое нарушение болѣе серьезно: недопускаемое напр. нашимъ закономъ разрѣшеніе въ мировомъ судѣ дѣла о мошенничествѣ на сумму 300 р. 10 к., съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ мирового процесса, или разрѣшеніе въ томъ же судѣ подвѣдомаго ему дѣла о мошенничествѣ на сумму ровно въ 300 р., но съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ для того предписанныхъ? Какой приговоръ противозаконнѣе, тотъ-ли, который по подсудному дѣлу присуждаетъ къ наказанію, неуставленному закономъ, или тотъ, который по неподсудному дѣлу опредѣляетъ точно указанную закономъ кару? Я думаю, отвѣтъ на эти вопросы незатруднителенъ, между тѣмъ, по разсматриваемой теоріи, первые приговоры должны считаться ничтожными и недействительными, тогда какъ вторые будутъ законны.

Такимъ образомъ, ограниченіе случаевъ недействительности или ничтожности приговоровъ, безъ ихъ отмѣны, лишь одними нарушеніями компетентности или даже подсудности въ тѣсномъ смыслѣ, не можетъ измѣнить дѣла. При этомъ, надо замѣтить, что правильное опредѣленіе подсудности во многихъ случаяхъ затруднительнѣе точнаго соблюденія уголовного закона и весьма часто сливается съ нимъ. Уничто-

жая значеніе и силу приговоровъ некомпетентныхъ судовъ и удерживая значеніе приговоровъ за постановленіями незаконными въ другихъ отношеніяхъ, мы, сверхъ логической неопослѣдовательности, ставимъ правосудіе, общественный порядокъ, права частныхъ лицъ и основныя правила судопроизводства въ то самое невозможное положеніе, которое было указано выше, въ отношеніи признанія недействительности незаконныхъ приговоровъ вообще.

За невозможностью остановиться на какомъ либо изъ разсмотрѣнныхъ мнѣній, остается принять первое изъ данныхъ опредѣленій судебного приговора и признать его единственно цѣлесообразнымъ. Такъ какъ это опредѣленіе я считаю не личнымъ своимъ сужденіемъ, а правиломъ и мыслью нашего закона, то мнѣ остается привести краткія тому доказательства.

Несомнѣнно, конечно, что идеаль судѣбныхъ уставовъ 20 ноября, какъ и всякаго, впрочемъ, судопроизводственнаго закона, — есть абсолютная законность уголовныхъ приговоровъ. Для достиженія этой цѣли уставъ принимаетъ обширныя и разнообразныя средства. Первымъ и главнымъ изъ нихъ является правильная организація судовъ, такая организація, при которой эти суды, по самому своему составу, не были-бы способны къ постановленію противозаконныхъ (въ томъ числѣ и некомпетентныхъ) приговоровъ, по злоупотребленію власти или непониманію закона. Второю гарантіею является личная отвѣтственность судей, нарушившихъ свои обязанности. Третьею — соотвѣтствующія свойству дѣлъ правила судопроизводства. Четвертою — допущеніе сторонъ къ состязательному участию въ процессѣ.

Каждому понятно, что судебныя обезпеченія на этомъ остановиться не могутъ. Самое пылкое воображеніе отказывается представить себѣ судебную систему, достигшую совершенства, исключающаго всякую возможность ошибки. Причина этому ясна; она заключается въ томъ, что каждая ошибка можетъ быть результатомъ не грубаго насилія, но и недоразумѣнія; послѣднимъ правосудіе можетъ быть оскорблено не менѣе

перваго, но отличить первое отъ послѣдняго не всегда легко, а опредѣлить относительную степень важности каждаго изъ нихъ, еще труднѣе. Не останавливаясь на этихъ различіяхъ, не опредѣляя ни размѣровъ допущеннаго нарушенія, ни его характера, ни его поводовъ, нашъ уставъ опредѣляетъ для всѣхъ случаевъ нарушенія законности производства и приговора, отъ самыхъ мелкихъ до самыхъ крупныхъ, одно и тоже послѣднее и окончательное средство — апелляціонное и кассационное обжалованіе незаконныхъ приговоровъ и послѣдующее ихъ исправленіе.

Въ какомъ порядкѣ совершается это исправленіе? Если состязательное начало пока едва проникло въ предсудебное производство, если оно все еще подлежитъ нѣкоторымъ, впрочемъ ничтожнымъ, ограниченіямъ на судѣ, то абсолютное господство его въ процессѣ обжалованія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Апелляція строго заключена въ предѣлы отзыва и протеста и вмѣстѣ съ кассаціей подчинена усмотрѣнію участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. Ревизія, т. е. переходъ дѣла въ высшую инстанцію и перевершеніе его помимо заявленій и просьбъ сторонъ, закономъ отмѣнена и прямо не допускается, какъ учрежденіе, противное духу новаго процесса. Даже кассация въ интересахъ закона, — и это весьма характеристическій фактъ, — не принята уставомъ.

Кассационные поводы обжалованія (ст. 912), обнимаютъ собою всѣ виды противозаконныхъ приговоровъ безъ исключенія. Разсмотрѣніе ихъ показываетъ, что приговоры, постановленные съ нарушеніемъ прямаго смысла уголовного закона и неправильнымъ его толкованіемъ, съ нарушеніемъ самыхъ существенныхъ формъ судопроизводства, въ томъ числѣ и съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства и власти, или иначе, приговоры незаконные, суда ненадлежащаго и некомпетентнаго, впредь до кассационной отмѣны ихъ, суть истинные судебные приговоры, равные во всѣхъ отношеніяхъ, по своему значенію и силѣ, приговорамъ безупречнымъ со стороны законности. Никакая власть не можетъ ихъ игнорировать и никакая сила не можетъ уничтожить ихъ бытія внѣ установ-

ленного, закономъ порядка. Защита противъ такихъ приговоровъ допускается, но это есть защита судебная, въ формѣ жалобъ и протестовъ, а не противоудѣствія исполненію. Если стороны не пожелаютъ воспользоваться открытымъ имъ средствомъ исправленія, то онѣ теряютъ право дальнѣйшихъ возраженій и приговоръ, самый чудовищный по своей противозаконности, точно также вступаетъ въ свою законную силу, какъ и самый правильный. Съ этого момента, онъ можетъ быть отмѣненъ, но не иначе, какъ въ случаѣ и порядкѣ, для того предписанномъ, а именно: въ порядкѣ возобновленія уголовныхъ дѣлъ. Въ системѣ нашего закона нѣтъ мѣста приговорамъ, не имѣющимъ способности войти въ законную силу. Преступнѣйшій изъ нихъ, постановленный подкупленнымъ судьей (ст. 23 и 935), не теряетъ значенія до отмѣны его сенатомъ (ст. 936), даже послѣ того, когда подкупъ торжественно признанъ уголовнымъ судомъ; мало того, этотъ преступный приговоръ составляетъ законное препятствіе къ вторичному преслѣдованію судившагося, если преступленіе подкупа покрылось давностью (ст. 16). Послѣ сказаннаго, есть ли такая либо возможность утверждать, чтобы по тому самому уставу, который съ такою твердостью охраняетъ силу судебного рѣшенія, дѣло о какомъ нибудь самовольномъ угонѣ скота изъ чужаго стада (проступекъ, предусмотрѣнномъ 1604 ст. улож., подсудномъ общимъ судамъ и облагаемомъ штрафомъ не выше 30 р.), признанномъ мировымъ судьей, по недоразумѣнію, или еще лучше — на основаніи сенатскихъ же рѣшеній (1868 г. № 58) — за самоуправство, никогда не могло считаться окончательно рѣшеннымъ и до самой смерти осужденнаго не составляло препятствій ко второму его преслѣдованію за то же преступленіе, даже послѣ отбытія по некомпетентному приговору неизмѣримо строжайшаго наказанія (ст. 142 уст. о нак., пал. мир. суд., 3 мѣсяца ареста)? Если такая несообразность не можетъ быть допущена, то я вправѣ заключить, что мнѣніе, по которому въ законную силу могутъ вступать только законные приговоры, по которому кассационная отмѣна требуется только

въ отношеніи послѣднихъ, есть *contradictio in adjecto*, игра словами, но никакъ не юридическій доводъ и не правило нашего закона.

II.

Случаи, въ которыхъ допускается нарушеніе начала непоколебимости приговоровъ отмѣною приговоровъ, вступившихъ въ законную силу, точно обозначены въ уставѣ; они представляются вполне достаточными для достиженія цѣлей уголовного правосудія. Это мое второе положеніе, въ свою очередь, можетъ показаться слишкомъ крайнимъ. Неизмѣнность разъ рѣшеннаго дѣла, поставленная въ границы, указанные выше, можетъ быть принята за принципъ, несогласный съ задачами, цѣлью и пользою уголовного суда; за начало, пагубное какъ для общественнаго порядка, такъ и для личной свободы; за правило, которое, съ своей стороны, также способно привести къ самымъ несообразнымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не остановиться предъ примѣненіемъ этого начала, когда оно открываетъ возможность вступленія въ законную силу приговора, присуждающаго къ смертной казни за простую кражу, или осудившаго убійцу, какъ простаго самоуправца. Не отрицая того, что сила судебного рѣшенія дѣйствительно способна узаконить и такіе приговоры, я нахожу, что возможность постановленія ихъ вовсе не вызываетъ необходимости отказа отъ самаго принципа и даже не побуждаетъ къ ограниченію его примѣненія. Изъ за того, что одинъ можетъ повѣситься, нельзя водить всѣхъ съ связанными назадъ руками.

Вникая въ совокупность мѣръ, которыя могутъ и должны быть установлены закономъ для огражденія интересовъ уголовного правосудія, нельзя не видѣть, что принципъ силы судебного рѣшенія сохраняетъ свою благодѣтельную силу во всѣхъ случаяхъ, и не заключаетъ въ себѣ никакихъ элементовъ общественной и личной опасности, даже въ самыхъ крайнихъ его приложеніяхъ. Примѣненіе его можетъ дать

вредные результаты только тогда, когда забываются условія правильного суда, когда мѣры, отъ которыхъ зависитъ успѣшное дѣйствіе судебной системы, не соблюдаются энергически. Но при наличности этихъ недостатковъ, никакое правило судопроизводства не можетъ быть приложено съ надлежащею пользою.

При дурной постановкѣ судебной организаціи, несмѣняемость судей, напр., можетъ привести къ самымъ невозможнымъ послѣдствіямъ, но отказъ отъ этого безспорнаго условія совершеннаго суда дастъ еще худшіе результаты.

Цѣль уголовного правосудія, заключается въ достиженіи справедливѣйшаго разрѣшенія каждаго уголовного дѣла, со стороны его существа и формы. Однако, достиженіе этой цѣли должно быть поставлено въ предѣлы возможнаго.

Преслѣдованіе человѣка всю жизнь за преступленіе, однажды имъ совершенное, есть не только несправедливость, но и безсмыслица. Интересы общества, столько-же какъ и права отдѣльных лицъ, требуютъ, чтобы преслѣдованіе было заключено въ возможно тѣсные предѣлы. Отсюда первое существенное условіе уголовного суда—скорость его и первая преграда стремленія къ абсолютной истинѣ рѣшеній.

Преслѣдованіе лица во чтобы-то ни стало и какими бы то ни было средствами есть насиліе надъ нимъ, а не правосудіе. Не одна личная польза обвиняемаго, но и польза общественная, требуютъ, чтобы были опредѣлены границы преслѣдованія, иначе существовала бы постоянная опасность одностороннихъ, пристрастныхъ и несправедливыхъ приговоровъ, — отсюда второе существенное условіе уголовного суда, состязательность производства. Ограниченіе суда доказательствами, представленными сторонами, въ предѣлахъ времени и возможности, въ состязательномъ порядкѣ, въ періодъ слѣдствія и суда не есть прихоть теоріи, а необходимость, доказанная опытомъ; она кладетъ второе препятствіе стремленію къ абсолютной истинѣ уголовного правосудія.

На этомъ можно остановиться. Скорость судопроизводства и состязательный его характеръ, два несомнѣнно главные

начала въ современномъ процессѣ, показываютъ намъ, какъ далеки современные условія производства уголовного дѣла отъ возможности достиженія абсолютной истины или справедливости въ ихъ разрѣшеніи. Большинство законодательствъ отказалось отъ этой цѣли потому, что тяжкій опытъ научилъ ихъ, что погоня за абсолютною справедливостью, *во что бы то ни стало*, невозможна, несовмѣстна съ общимъ интересомъ, и ведетъ лишь къ насилию и нарушенію правъ. Упростивъ задачу уголовного суда, сблизивъ его судебныя формы съ формами гражданскаго процесса, лучшія современные законодательства признаютъ, что *res judicata pro veritate habetur*, и силѣ рѣшеннаго дѣла сознательно отдаютъ предпочтеніе, какъ принципу болѣе важному, чѣмъ самая справедливость законности рѣшеній.

Относительно рѣшенныхъ дѣлъ, еще римляне установили извѣстное правило: *non bis in idem*. Необходимость и польза этого правила не отвергалась въ самыя мрачныя процессуальныя эпохи. Французы переводятъ его такъ: *La justice ne veut pas, qu'un crime soit puni deux fois* — „правосудіе не можетъ допустить, чтобы одно преступленіе наказывалось два раза“. Наше законодательство идетъ еще дальше, оно говоритъ: правосудіе не можетъ допустить, чтобы лицо, за одно и тоже преступленіе, *преслѣдовалось два раза*. (Суд. уст., изд. госуд. канц., стр. 37).

Что *auctoritas rei judicatae* должна распространяться не только на справедливость, но также и на законность рѣшенія—это несомнѣнно, хотя нѣкоторые криминалисты и держатся противоположнаго взгляда. Если справедливость можетъ быть относительною, то и законность не можетъ быть безусловною. При неизбѣжныхъ колебаніяхъ въ толкованіи законовъ, при измѣняемости самихъ законовъ, понятія какъ о формальной, такъ и о матеріальной правильности рѣшеній одинаково относительны. Приговоръ порождаетъ извѣстныя права, для государства и лица, не одною внутреннею, но и внѣшнею своею стороною. Правило *non bis in idem* для разъ судившагося важно не въ томъ отношеніи, что его нельзя два раза

наказаты, но именно въ томъ, что его нельзя два раза судить.

Со вступленіемъ приговора въ законную силу, формальная и матеріальная несправедливость приговора могутъ быть обнаружены въ двоякомъ смыслѣ: въ смыслѣ несогласія приговора съ обстоятельствами, извѣстными суду, и въ смыслѣ несогласія его съ обстоятельствами, ставшимися неизвѣстными въ моментъ постановленія приговора. Ошибки перваго рода могутъ быть названы судейскими, ошибки втораго рода называются судебными. Объ исправленіи судейскихъ ошибокъ не можетъ быть и рѣчи. Средствомъ такого исправленія, какъ выше было сказано, является кассационный порядокъ обжалованія; если онъ не былъ примененъ, или примененный не далъ желаемыхъ закономъ результатовъ, то никакая дальнейшая судебная повѣрка не допускается. Иное дѣло ошибки судебныя. Судебныя ошибки могутъ относиться какъ къ внѣшней, формальной сторонѣ приговора, дѣлающей приговоръ незаконосообразнымъ, такъ къ внутренней матеріальной сторонѣ, дѣлающей приговоръ несправедливымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, по самому существу, судебныя ошибки не могутъ быть исправляемы обыкновенными способами судопроизводства. Чрезвычайнымъ средствомъ, для этого установленнымъ, является возобновленіе уголовныхъ дѣлъ.

Вновь обнаруженные обстоятельства могутъ дѣйствовать въ двоякомъ направленіи; они могутъ доказывать неправильность приговора въ интересахъ защиты и въ интересахъ обвиненія. Въ отношеніи обстоятельствъ перваго рода, нашъ законъ (ст. 21 и 22) даетъ exсертіо теі judicatae каждому разъ судившемуся лицу, безъ всякаго различія, было-ли это лицо оправдано или осуждено, открываются ли доказательства его вины или высшей преступности и наказуемости. Изъ этого основнаго правила нѣтъ исключеній. Статью 23 нельзя разсматривать какъ изъятіе. Ея содержаніе, выраженное такъ: что добыто преступленіемъ, то незаконно, — также мало нарушаетъ принципъ непоколебимости приговора, какъ преслѣдованіе вора принципъ охраненія собственности. Такимъ образомъ, во вредъ судившему-

ся лицу законъ окончательно отказывается отъ исправленія и пересмотра приговоровъ въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Иная система принята въ отношеніи новыхъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ въ пользу осужденнаго. Исполонъ вѣка, уголовнымъ законодательствамъ Европы было свойственно то убѣжденіе, что формальная правда приговоровъ, удовлетворяющая общественный или публичный интересъ, недостаточна въ отношеніи осужденныхъ. Если государство въ этомъ случаѣ поступаетъ силою судебного рѣшенія, то оно дѣйствуетъ такъ не ради погони за абсолютною истиною, а во имя личнаго вреда, наносимаго несправедливымъ приговоромъ. Несправедливость и общественный вредъ ошибочныхъ приговоровъ существуетъ, конечно, въ обоихъ случаяхъ, но въ первомъ они терпимы потому, что разлагаются на всѣхъ, во второмъ они нетерпимы потому, что всею тяжестью ложатся на одного осужденнаго. Помимо этого, отмѣна приговора во вредъ судившемуся по общему убѣжденію, основанному на вѣковомъ опытѣ, легко порождаетъ опасности, угрожающія свободѣ, правамъ и спокойствію гражданъ, тогда какъ въ отмѣнѣ приговора въ пользу осужденнаго этой опасности нѣтъ и быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, значеніе силы судебного рѣшенія настолько велико, что и въ пользу осужденнаго отмѣна допускается не безусловно и не вообще, а съ величайшими предосторожностями, въ случаяхъ, точно исчисленныхъ въ уставѣ (ст. 25 и 934—940).

Изложенный порядокъ такъ ясенъ, простъ и последователенъ, что никакія колебанія относительно истинной сущности системы нашего закона невозможны, и настолько цѣлесообразенъ, что никакая критика его немыслима.

Чтобы ни говорили записные криминалисты, но съ уничтоженіемъ ревизіи, съ подчиненіемъ процесса обжалованія состязательному усмотрѣнію сторонъ, въ уголовное судопроизводство проникъ и утвердился принципъ добровольнаго подчиненія сторонъ приговору суда. Это уже не фикція науки, а реальное, ежедневно примѣняющееся правило практики. За-

конъ не видитъ ничего несовмѣстнаго съ интересомъ публичнаго преслѣдованія и характеромъ уголовного суда, если обвиненіе или защита сознательно подчиняются неправильности производства и рѣшенія, предпочитая ее тому замедленію, которое неизбѣжно вызывается исправленіемъ этой неправильности. Сознательное подчиненіе не исключаетъ, а напротивъ усугубляетъ законную силу приговора, хотя бы и незаконнаго. Но эта сила не утрачивается имъ и въ томъ случаѣ, если подчиненіе произошло не сознательно, а по небрежности, недоразумѣнію, невѣжеству и даже злему умыслу сторонъ, ибо средствами для устраненія подобныхъ недостатковъ является правильная организація суда, обвиненія и защиты. И если, за всѣмъ тѣмъ, оказывается вступившимъ въ законную силу приговоръ грубо и очевидно незаконный или некомпетентнаго суда, то государству остается подвергнуть отвѣтственности лицъ, непосредственно въ томъ виновныхъ, отказаться отъ исполненія невозможнаго приговора, прибѣгнуть къ полному или частному помилованію, для устраненія причиненнаго вреда, но самый приговоръ, въ случаѣ возобновленія дѣла, долженъ оставаться непоколебимымъ.

Никакой другой порядокъ не можетъ быть сравненъ, по своимъ достоинствамъ, съ существующимъ. Для общества онъ представляетъ лишь однѣ выгоды, ибо въ рукахъ государства всѣ прямыя и рѣшительныя средства къ предупрежденію вышепнихъ пороковъ рѣшеній; если же отъ неприведенія этихъ средствъ въ дѣйствіе страдаютъ общественные интересы, то общество, по справедливости, должно нести и отвѣтственность за это. Что касается отдѣльныхъ лицъ, то хотя забитость и невѣжество и могутъ явиться поводомъ къ тому, что сила судебного рѣшенія, прилагаемая ко всѣмъ приговорамъ, вступившимъ въ законную силу, безъ исключенія, можетъ нанести вредъ, но этотъ вредъ для немногихъ, рѣдкихъ случаевъ есть недостаточное основаніе для того, *чтобы можно было* отказаться отъ самаго принципа, хотя бы въ одномъ изъ нихъ, по слѣдующимъ основаніямъ: а) это можетъ произойти только при извѣстныхъ недостаткахъ

судебной организации, которая могут и должны быть устранены; б) сила судебного решения есть начало, столько же покровительствующее общественному, сколько и частному, личному интересу; в) изъ за того, что применение ея может повредить одному, нельзя всѣхъ лишать выгодъ ею доставляемыхъ; практика европейскаго суда, въ томъ числѣ и недавняя практика нашего суда, показываетъ, что колебаніе принципа силы судебного решения, вслѣдствіе того огромнаго перевѣса, которое имѣетъ государство надъ отдѣльнымъ лицомъ, обращается во вредъ послѣднему, а не въ пользу его; д) политическое воспитаніе народа, въ которое входитъ привычка и обязанность защищать своевременно свои права указанными въ законѣ средствами, вообще не дается даромъ, и, наконецъ, е) въ крайнихъ, чрезвычайныхъ случаяхъ, исправленіе личнаго вреда возможно безъ потрясенія силы судебного решения тѣми коррективами, которые выше исчислены. Сводя все сказанное вмѣстѣ, слѣдуетъ признать установленный нашимъ закономъ порядокъ исполнѣ достаточнымъ для достиженія тѣхъ цѣлей правосудія, которыя по современнымъ понятіямъ совмѣстны съ общественнымъ и личнымъ интересомъ.

III.

Справедливость изложеннаго становится еще болѣе ясною при ближайшемъ разсмотрѣніи того рѣзкаго различія, которое законъ устанавливаетъ между отмѣною приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу во вредъ судившемуся и въ пользу его, различію, которое въ практикѣ не всегда сознается съ достаточною ясностью. По этому, третьему положенію, я ограничусь немногими словами, такъ какъ изслѣдованіе случаевъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ не входитъ въ планъ настоящей статьи.

Различіе, установленное закономъ въ процедурѣ отмѣны приговоровъ во вредъ судившемуся и въ пользу его, проявляется въ трехъ отношеніяхъ: въ условіяхъ, способѣ и по-

слѣдствіяхъ отмѣны. При возобновленіи дѣла во вредъ судившемуся, условіемъ отмѣны считается: 1) непремѣнная наличность осуждающаго приговора и признанія несправедливости первоначальнаго приговора, какъ бывшаго результатомъ преступленія (ст. 23), 2) отсутствіе причинъ, погашающихъ уголовную отвѣтственность подлога, подкупа и инаго преступленія (ст. 16), которымъ добытъ первоначальный приговоръ, и 3) практическая полезность отмѣны. По способу: отмѣна приговора во вредъ судившемуся можетъ состояться не иначе, какъ по протестамъ прокуроровъ, по всѣмъ приговорамъ безъ различія. По послѣдствіямъ: при отмѣнѣ приговора во вредъ судившемуся, сенатъ и особенно вторичный судъ, являются стѣсненными въ своихъ дѣйствіяхъ тѣмъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу, которымъ признаны подлогъ, подкупъ и иное преступленіе.

Ничего подобнаго мы не видимъ при уничтоженіи приговора въ пользу осужденнаго. Здѣсь буквально все противоположно, а именно: такъ какъ поводомъ къ отмѣнѣ является судебная ошибка, происшедшая не отъ преступленія только, а отъ какихъ бы то ни было причинъ (п. 1 и 2 ст. 935), то наличность осуждающаго приговора не составляетъ непремѣннаго условія отмѣны, какъ въ первомъ случаѣ, а допускается и всякій другой способъ удостовѣренія въ поводѣ къ возобновленію дѣла (ст. 936); затѣмъ, погашеніе уголовной отвѣтственности за преступленіе, бывшее причиною несправедливаго приговора, не препятствуетъ отмѣнѣ, точно также какъ и практическая бесполезность отмѣны не имѣетъ никакого значенія (ст. 26). По способу: отмѣна въ пользу осужденнаго допускается не иначе, какъ по просьбамъ самихъ осужденныхъ, ихъ родственниковъ и свойственниковъ, но отнюдь не прокуроровъ и не судовъ, какъ ошибочно думаетъ сенатъ и наши авторы. По послѣдствіямъ: отмѣна въ пользу осужденнаго отличается тѣмъ, что ни сенатъ, ни вторичный судъ, по тому же дѣлу, отнюдь не стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ; вторичный судъ не можетъ только усилить винов-

ность, но онъ вправѣ постановить тождественный приговоръ, что въ первомъ случаѣ рѣшительно невозможно.

При всей краткости изложенія, я позволяю себѣ думать, что выясненное различіе между обоими видами возобновленія уголовныхъ дѣлъ выдѣляется настолько рѣзко, что исключаетъ всякую возможность смѣшенія обоихъ порядковъ. Къ сожалѣнію, въ практикѣ большинство этихъ различій совершенно упускается изъ виду; отъ этого происходятъ всѣ главные недоразумѣнія и ошибки. — Я не буду останавливаться на этомъ предметѣ особо, такъ какъ, отчасти, сказанное подтвердится дальнѣйшимъ изложеніемъ.

IV.

Мнѣ теперь слѣдуетъ остановиться на моемъ четвертомъ положеніи, самомъ главномъ и существенномъ, а именно: что *къ числу поводовъ, по которымъ законъ допускаетъ отступленіе отъ начала непоколебимости приговоровъ, не относятся: нарушение подсудности, судейскія ошибки и вообще всѣ обстоятельства, не вошедшія въ текстъ 23 и 935 ст.*

Предстоящая мнѣ задача есть задача трудная, сложная и даже щекотливая, такъ какъ мои взгляды на этотъ предметъ и взгляды нашей судебной практики, вмѣстѣ съ мнѣніями нашихъ теоретиковъ, въ большинствѣ случаевъ радикально между собою расходятся. Это обстоятельство побуждаетъ меня сдѣлать нѣкоторыя оговорки, въ другихъ случаяхъ совершенно излишнія. Своими сужденіями я не имѣю въ виду подрывать уваженіе къ сенату и умалять его авторитетъ. Самъ я, лично, отношусь съ величайшимъ уваженіемъ къ дѣятельности этого лучшаго изъ нашихъ учрежденій; высоко цѣню услуги, оказанныя имъ дѣлу правосудія и законности; преклоняюсь предъ тѣмъ доблестнымъ мужествомъ и твердостью, съ которыми онъ не разъ охранялъ драгоцѣннѣйшія начала поваго суда; удивляюсь великой жизненной силѣ, обнаруженной имъ при самыхъ невозможныхъ условіяхъ практической дѣятельности; словомъ, въ своемъ совершенно сво-

бодномъ и искреннемъ уваженіи я никому не желалъ бы уступить перваго мѣста и хотѣлъ бы видѣть эти чувства общими. Съ своей стороны, я пытался сообщить ихъ другимъ въ своихъ, безъ сомнѣнія, мало извѣстныхъ статьяхъ: „о преобразованіи сената“, помѣщенныхъ въ 85 и 86 №№ газеты „Нашъ Вѣкъ“ за 1877 г.

Во всякомъ случаѣ, высказываясь самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ направленія, принятаго сенатомъ по вопросу объ отмѣнѣ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, я руководжусь сознаніемъ необходимости поворота практики на иной, лучший путь. Можетъ быть я ошибаюсь, но въ глазахъ читателя, кто-бы онъ не былъ, избранное мною отношеніе къ дѣлу должно найти свое оправданіе въ важности разсматриваемаго предмета, въ пользѣ и значеніи защищаемыхъ мною идей.

Слѣдуя, въ общихъ основаніяхъ, направленію, господствующему въ нашей юридической литературѣ, руководимый и поддерживаемый большинствомъ практическихъ юристовъ, сенатъ проводить въ рѣшеніяхъ департамента и общихъ собраній тенденцію о недействительности судебныхъ приговоровъ, постановленныхъ съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства и власти. Несостоятельность этой тенденціи видна уже изъ того, что сенатъ до сихъ поръ не можетъ подыскать для нея подходящей формулы.

Съ одной стороны, по взгляду сената, приговоръ некомпетентнаго суда не теряетъ значенія судебного приговора; онъ можетъ войти въ законную силу, но подлежить отмѣнѣ во всякое время, не иначе однако, какъ въ порядкѣ судебныхъ инстанцій.

Съ другой стороны, сенатъ находитъ, что подобный приговоръ настолько незаконенъ, что его какъ бы вовсе не существуетъ, и судебная власть, для свободы своихъ дѣйствій, не нуждается даже въ его отмѣнѣ. Непримириемое противорѣчіе этихъ двухъ основныхъ взглядовъ на нарушение предѣловъ вѣдомства и власти характеристически восполняется безпримѣрнымъ разнообразіемъ сужденій объ основаніяхъ, усло-

віяхъ, способахъ и послѣдствіяхъ отмѣны, въ случаяхъ, безусловно однородныхъ. При этомъ, различія столь рѣзкія, какъ тѣ, которыя существуютъ между приговорами: а) оправдательными и осуждающими; б) исполненными и неисполненными; в) суда присяжныхъ и безъ присяжныхъ; или постановленными: а) въ предѣлахъ вѣдомства и власти и внѣ ея; б) по преступленіямъ общимъ и спеціальнымъ; в) по винѣ подсудимаго и безъ всякой его вины; г) по ошибкѣ судейской и судебной, все это смѣшивается въ одну безформенную массу, и не одинъ вопросъ права и процесса не представляетъ такихъ, шокирующихъ юриста, противорѣчій, какъ данный вопросъ.

Въ подтвержденіе основныхъ воззрѣній практики на отмѣну приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, и ея законосообразность, въ рѣшеніяхъ сената, въ трудахъ нашихъ отечественныхъ ученыхъ гг. Буцковскаго, Неклюдова, Чебышева, въ ходячихъ мнѣніяхъ практическихъ юристовъ, выставляются обыкновенно слѣдующія доказательства:

I. Общее содержаніе ст. 1 и 4 нашего уст. II. Выраженіе ст. 21 того же уст.: „надлежащій судъ“. III. Ученіе теоріи процесса о ничтожности и недействительности приговоровъ, постановленныхъ съ превышеніемъ власти. IV. Примѣры, доказывающіе юридическую несообразность и невозможность исполненія нѣкоторыхъ приговоровъ; и V. Власть надзора, въ силу которой сенатъ будто-бы облеченъ правомъ отмѣнять и такіе приговоры, которые по закону неотмѣнимы.

Моя задача будетъ состоять въ краткомъ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ каждаго изъ этихъ доводовъ въ отдѣльности. Начиная съ I. Въ IV т. сб. гос. зн., въ превосходной статьѣ проф. Кистяковскаго: нуждается-ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ налагаемыхъ по суду, мы находимъ текстуальныя доказательства заимствованія нѣкоторой части общихъ положеній нашего устава изъ такъ называемыхъ государственныхъ законовъ западной Европы. Осуществленіе судебной реформы было признано невозможнымъ безъ измѣненія нѣкоторыхъ коренныхъ основъ нашей госу-

дарственной жизни. Положенія, заимствованныя уставомъ, утверждены высочайшею властью и составляютъ дѣйствующій законъ нашей страны.

Они введены въ уст. уг. суд.; но это не измѣняетъ ихъ значенія; мы должны ихъ цѣнить не по мѣсту ихъ помѣщенія, а по содержанію, цѣли и происхожденію ихъ. Содержаніе, цѣль и происхожденіе этихъ постановленій обязываютъ насъ разсматривать ихъ съ точки зрѣнія принциповъ государственнаго права, т. е. какъ постановленія, опредѣляющія отношенія государственной власти къ гражданамъ и обратно, а не какъ общія, такъ сказать домашнія правила, единственная цѣль которыхъ заключается въ опредѣленіи порядка судебныхъ дѣйствій.

Къ числу такихъ постановленій въ особенности, относятся 1 и 14 ст. уст. угол. суд. Главное начало, выраженное въ 1 ст., состоитъ въ отдѣленіи судебной власти отъ административной. Опираясь на это постановленіе, можно утверждать, что привлеченіе гражданина къ отвѣтственности за преступленія подвѣдомыя, суду, предъ установленіями несудебнаго характера, — есть узурпація власти, преступный актъ, не имѣющій никакого значенія. — Въ этомъ смыслѣ, 1 ст. устава представляетъ необходимое условіе такъ называемой политической или гражданской свободы, азбуку правильной государственной организаціи, но, именно поэтому, она и не годится для нашей задачи; наша задача имѣетъ въ виду не колебаніе принциповъ государственнаго права, а простое нарушеніе правилъ судопроизводства.

Ст. 14 идетъ далѣе; восполняя 1-ю ст., она стремится дать ей санкцію, практическое приложеніе. По буквальному смыслу 14 ст., никто не долженъ подвергаться наказанію, наложенному не приговоромъ суда надлежащаго, т. е. установленнаго закономъ. Вслѣдствіе этого и въ силу ст. 1-й и 14-й, отвѣтственными являются не только тѣ, которые узурпировали судебную власть, но и тѣ, которые исполнили опредѣленное не судебною властью наказаніе. Всѣ исполнители уголовныхъ приговоровъ, всѣ завѣдующіе мѣстами отбытія на-

казаній, обязываются ст. 14 къ отказу отъ исполненія наказанія безъ надлежащаго о томъ судебного приговора. Это слово „надлежащій“, впервые употребленное въ 14 ст., лишь усиливаетъ и опредѣляетъ мысль, выраженную въ 1 ст. уст. Но это слово вовсе не имѣетъ того значенія, чтобы каждый исполнитель приговора былъ уполномоченъ подвергать его своему критическому обсужденію, съ точки зрѣнія подсудности, или чтобы каждое осужденное лицо могло устранить исполненіе приговора сопротивленіемъ или предъявленіемъ спора о подсудности,—передъ его исполнителями.

Этого мало. Въ ст. 14 заключается еще и другой, болѣе глубокий государственный смыслъ. Недаромъ-же графъ Блудовъ называетъ это постановленіе „важнѣйшимъ, можно сказать“ кореннымъ началомъ, принятымъ во всѣхъ новѣйшихъ и лучшихъ законодательствахъ иностранныхъ. Дѣло въ томъ, что ст. 14 несомнѣнно стремится предупредить учрежденіе такъ называемыхъ экстраординарныхъ, чрезвычайныхъ судовъ, столь легко возникающихъ во времена общественныхъ неурядицъ. Въ этомъ смыслѣ, крайне важномъ въ государственномъ отношеніи, ст. 14 объявляетъ не надлежащимъ не тотъ судъ, который по судебной или судейской ошибкѣ нарушилъ предѣлы вѣдомства другаго суда, а всякій, спеціаль-ный, особенный или если угодно случайный, не установленный органическимъ, постоянно дѣйствующимъ закономъ 20 ноября 1864 года.

Сказаннаго достаточно, чтобы понять, почему я считаю ст. 1 и 14 постановленіями по преимуществу государственнаго, а не процессуальнаго характера. Подтвержденіе своей мысли я нахожу въ самомъ способѣ изложенія этихъ постановленій. Если мы просмотримъ бѣгло содержаніе этихъ статей, то изъ самой редакціи ихъ мы убѣдимся, что они даютъ гражданину важныя права противъ государства, но государству не даютъ и тѣни правъ противъ гражданина, наказаннаго не по суду или по приговору не надлежащаго суда. Въ этомъ смыслѣ ст. 1 и 14 имѣютъ такое-же одностороннее значеніе, какъ и ст. 8, 9, 10 и 11, ограждаю-

щія, въ иномъ отношеніи, неприкосновенность и личную свободу каждаго.

Что касается другой стороны того-же вопроса, а именно: насильственного умаленія судебныхъ гарантій, насильственного искаженія установленнаго порядка судопроизводства, то противъ такихъ злоупотребленій дѣйствуютъ обыкновенные способы жалобъ, надзора и личной отвѣтственности виновныхъ. Конечно, всякое произвольное измѣненіе порядка преслѣдованія будетъ противозаконнымъ насиліемъ даже въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало по особому, формальному о томъ приказу; конечно, лица, исполнившія такой приказъ, будутъ преступниками передъ закономъ, который облакаетъ судью, именно для противодѣйствія подобнымъ злоупотребленіямъ, цѣлымъ рядомъ прерогативъ и высшимъ правомъ несмѣняемости; тѣмъ не менѣе, какъ-бы ни былъ незаконенъ, насильствененъ и произволенъ судъ, какъ-бы ни былъ онъ не надлежащъ въ смыслѣ подсудности, онъ остается судомъ и его приговоръ не можетъ считаться не существующимъ, ничтожнымъ самъ по себѣ. Средствомъ для охраненія нарушенныхъ правъ и силы закона, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, является сенатъ, поставленный на стражѣ закона; а для уничтоженія подобныхъ приговоровъ установлены апелляціонный и кассационный способы обжалованія. Если лицо, насильственно осужденное въ неустановленномъ или ненадлежащемъ порядкѣ суда, не воспользуется этими способами, оно не можетъ впослѣдствіи требовать отмены приговора, вошедшаго въ законную силу, только потому, что онъ не надлежащъ, хотя бы судьи, постановившіе его, и подверглись судебному преслѣдованію. Въ одномъ только случаѣ приговоръ такого искаженнаго суда лишается способности войти въ законную силу—это когда осужденный будетъ насильственно устраненъ отъ права выслушанія приговора или принесенія на него жалобы, но это потому, что по точному смыслу нашего закона сроки обжалованія считаются со дня объявленія приговора, а отнятіе средствъ обжалованія служитъ законнымъ поводомъ къ возстановленію срока.

Такимъ образомъ, съ той стороны, которою ст. 1 и 14 соприкасаются не съ политикою, а собственно съ уголовнымъ процессомъ, значеніе ихъ весьма скромно, а именно: обѣ они служатъ общеою опорою защиты по ея жалобамъ на всевозможныя нарушенія 2 и 3 п. 912 ст. Извлечь изъ нихъ что нибудь большее—нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, если мы устранимъ предположеніе о насильственномъ лишеніи права жалобы, то по какой другой причинѣ, кромѣ доброй воли сторонъ, или наоборотъ, ихъ небрежности, недоразумѣнія и незнанія, можетъ войти въ законную силу неправильный приговоръ суда? Но исчисленные обстоятельства не составляютъ законныхъ поводовъ къ отмѣнѣ силы судебного приговора. Если простой пропускъ срока устраняетъ возможность разсмотрѣнія самой справедливой жалобы, то внѣ всякихъ сроковъ никакая жалоба не можетъ возникнуть. Если частное лицо должно подчиниться всѣмъ невыгодамъ такого порядка, установленнаго въ интересахъ публичныхъ, то государство, его установившее, и подавно должно быть подчинено ему. На судѣ, преслѣдующее государство есть несомнѣнная сторона. Публичный интересъ преслѣдованія представляется здѣсь не идеально, а конкретно воплощеннымъ въ лицѣ прокурора. Имѣя въ немъ своего адвоката, представителя своихъ интересовъ, уполномоченнаго,—государство неизбежно и вполне естественно, подобно частному лицу, обязывается раздѣлять судьбу успѣха своего представителя, его удачу и пораженіе и должно нести на себѣ всѣ послѣдствія его невниманія или небрежности, иначе пришлось-бы отказаться отъ всѣхъ началъ, выработанныхъ современнымъ процессомъ. Послѣ сказаннаго, возможно ли допустить, чтобы нерадѣніе, небрежность или незнаніе этого чиновника могли лишать приговоръ силы судебного рѣшенія? Они могутъ открыть мѣсто для его отвѣтственности и ничего болѣе.

Таково значеніе общаго довода, заключающагося въ ссылкѣ на 1 и 14 ст. уст. Непосредственно подкрѣпляющее его указаніе на 21 ст. уст. еще менѣе состоятельно.

Ст. 21 говоритъ: оправданный вошедшимъ въ законную

силу приговоромъ надлежащаго суда не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду, хотя-бы къ изобличенію его и открылись новыя обстоятельства.

Не трудно убѣдиться, что слово надлежащій, на которое опираютъ всѣ свои доводы защитники воззрѣнія мною опровергаемаго, есть выраженіе несущественное само по себѣ; оно имѣетъ смыслъ лишь въ томъ значеніи, какое даетъ ему 14 ст. уст.

Я не буду доказывать, что эта статья составляетъ быть можетъ неудачное исправленіе текста признаваемой всѣми французскими юристами неудачно редактированной 360 ст. фр. уст. суд., хотя и это объясненіе далеко не лишнее я обращаю вниманіе читателя только на слѣдующія обстоятельства:

1) Ст. 21 теряетъ всякое значеніе и всякую цѣну при пониманіи слова „надлежащій“ въ смыслѣ компетентномъ. Только устранивъ это слово или измѣнивъ его толкованіе, мы получаемъ возможность возстановить истинный смыслъ правила, въ ней изложеннаго. Такъ именно и поступаютъ французскіе юристы и французскій кассационный судъ съ своей 360 ст.

2) Ст. 22, составляющая продолженіе и составную часть 21 ст., не повторяетъ этого слова и не обуславливаетъ вторичнаго преслѣдованія по вновь открывшимся, увеличивающимъ вину обстоятельствамъ, осужденіемъ въ надлежащемъ судѣ. Такъ какъ произвольно включать это слово, въ столь важномъ вопросѣ, мы не имѣемъ никакого права, то между двумя родами случаевъ, составляющими лишь двѣ половины одного и того-же принципа, при изложенномъ толкованіи закона, устанавливается самая вопіющая и ни съ чѣмъ несообразная рознь.

и 3) Слово „надлежащій“, повторяющееся, затѣмъ, въ немногихъ статьяхъ устава, ни въ одной изъ нихъ не имѣетъ техническаго значенія компетентнаго суда; это слово ставить ст. 21 въ непримиримое противорѣчіе со всѣми основаніями новаго суда, и въ особенности съ правилами объ опре-

дѣленіи подсудности, обжалованіи приговоровъ, вступленіи ихъ въ законную силу и возобновленіи дѣлъ.

Изложенныхъ доводовъ совершенно достаточно, чтобы, во 1-хъ, слово „надлежащій“ въ 21 ст. признать повтореніемъ выраженія, употребленнаго, совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, въ ст. 14, и, во 2-хъ, чтобы отнюдь не считать этого выраженія самостоятельнымъ правиломъ, на которое могло-бы опереться цѣлое ученіе объ отмѣнѣ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу.

Въ заключеніе, тѣмъ, кто, несмотря на изложенное, продолжалъ-бы сомнѣваться въ основательности моего утвержденія: что въ намѣреніе составителей судебныхъ уставовъ прямо входило признаніе законными, наравнѣ со всѣми другими, своевременно необжалованныхъ приговоровъ, постановленныхъ съ самымъ грубымъ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства и власти, я могу указать на 17 стран. журнала соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта, № 47, окончательно разрѣшающую сомнѣнія этого рода.

III. Перехожу къ 3-му доводу—къ ссылкѣ на ученіе о дѣйствительности или ничтожности приговоровъ, постановленныхъ съ превышеніемъ власти. Въ наукѣ процесса — это ученіе давнее; русскіе юристы, приводя его какъ нѣчто извѣстное, считаютъ даже излишнимъ подкрѣплять его какими либо доказательствами. Несмотря, однако, на его распространенность, оно далеко не принадлежитъ къ числу бесспорныхъ. Каждый авторъ, практика каждаго государства, подвергаютъ его безчисленнымъ урѣзкамъ и ограниченіямъ. Но, въ самой его основѣ, это ученіе едва-ли не слѣдуетъ причислить къ одному изъ тѣхъ судопроизводственныхъ предразсудковъ, отъ которыхъ пора излечиться. Это ученіе прикладывалось, съ нѣкоторыми выгодами, къ слѣдственному порядку, но къ состязательному суду оно нейдетъ уже потому, что соблюденіе предѣловъ вѣдомства и власти, наравнѣ со всѣми другими правилами судопроизводства, поставлено подъ охрану сторонъ и, въ предѣлахъ состязанія, составляетъ одинъ изъ пунктовъ или основаній ихъ апелляціонныхъ и

кассационныхъ жалобъ. Впрочемъ, я не имѣю въ виду разсматривать степень теоретической состоятельности этого ученія; партизанамъ его, если бы они у насъ встрѣтились, я могу отвѣтить одно: законъ не раздѣляетъ ихъ воззрѣній; они отрицаются уставомъ.

За всѣмъ тѣмъ, для меня остается совершенно непонятнымъ, почему наши авторы и наши суды сводятъ понятіе о надлежащемъ судѣ къ понятію о подсудности; во 1-хъ, это юридически неправильно, потому что несогласно съ тѣмъ значеніемъ, которое даетъ этому слову главная 14 ст.; во 2-хъ, это логически неправильно, потому что ведетъ къ несогласимымъ противорѣчіямъ; въ-3-хъ, это даже грамматически невѣрно, потому что, въ буквальномъ смыслѣ, надлежащимъ можетъ быть названъ только такой судъ, который состоялся по всѣмъ правиламъ процесса. Въ этомъ смыслѣ, самое ничтожное нарушеніе правилъ судопроизводства и еще болѣе судоустройства дѣлаетъ судъ ненадлежащимъ, т. е. не такимъ, какимъ онъ долженъ быть по закону. Что касается судовъ некомпетентныхъ, то ихъ правильнѣе бы называть судами *неподлежащими*; ст. 41 уст. и много другихъ подтверждаютъ вѣрность этого объясненія.

Вопросъ о подсудности, безспорно, имѣетъ весьма важное значеніе въ судопроизводствѣ, но это значеніе вовсе не исключительное, оно не можетъ идти въ разрѣзъ съ общими началами суда, и въ концѣ—концевъ оно должно быть подчинено имъ, наряду со всѣми другими правилами судопроизводства.

Подсудность обыкновенно опредѣляется какъ мѣра власти или уполномочія, даннаго, въ интересахъ судебнаго порядка, каждому судебному установленію въ отдѣльности. Съ подсудностью связывается та или другая форма судопроизводства; въ этомъ смыслѣ, нарушеніе подсудности можетъ быть, конечно, лишеніемъ тѣхъ гарантій суда, которымъ обставлена каждая судебная инстанція. Все это такъ, но изъ этого слѣдуетъ только то, что нарушеніе компетентности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, должно считаться наруше-

ніемъ существеннымъ, влекущимъ за собою отмѣну приговоровъ, въ сроки, установленные закономъ, но отнюдь нельзя выводить, что нарушеніе подсудности уничтожаетъ понятіе о правильномъ судѣ и приговорѣ, — и даже не то, что это обстоятельство дѣлаетъ приговоръ неспособнымъ вступить въ законную силу.

Подсудность есть самый сложный изъ вопросовъ судопроизводства. Въ силу постановленій о подсудности, вѣдомство cadaго суда соприкасается съ вѣдомствомъ судовъ высшихъ, низшихъ и равныхъ; обыкновенный порядокъ съ особеннымъ; общая юрисдикція съ спеціальными; правосудіе уголовное съ гражданскимъ; наконецъ, область суда съ областью администраціи. Безошибочное опредѣленіе подсудности, основанной на трехъ различныхъ признакахъ: лица, мѣста и дѣла, усложняется еще въ томъ смыслѣ, что подсудность есть понятіе безконечно подвижное, измѣняющееся вмѣстѣ съ свойствомъ дѣла, развитіемъ и усложненіемъ его новыми обстоятельствами. Наконецъ, подсудность не есть понятіе чисто процессуальное; правильность опредѣленія ея находится въ зависимости отъ того или другаго способа истолкованія уголовного закона.

Ставить силу судебного рѣшенія въ зависимость отъ столь разнообразныхъ, сложныхъ, неясныхъ, а подчасъ даже просто случайныхъ признаковъ — невозможно. Это значило бы прямо вычеркнуть непоколебимость приговоровъ изъ числа основныхъ правилъ судопроизводства. Законъ это понимаетъ и потому этого не дѣлаетъ. Для огражденія подсудности имъ и безъ того установлено весьма многое; — такъ, независимо отъ обжалованія, имъ опредѣлены особыя мѣры повѣрки ея ex officio, различными мѣстами и лицами, вплоть до постановленія приговора въ первой инстанціи, и, сверхъ того, цѣлый институтъ пререканій, вплоть до вступленія приговоровъ въ законную силу.

Всю эту систему можно упрекнуть скорѣе въ излишествѣ, чѣмъ въ недостаткѣ средствъ огражденія подсудности; ей можно пожелать побольше простоты, но самое изобиліе за-

конныхъ мѣръ огражденія подсудности дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее вліяніе ея на исходъ дѣла и не допускаетъ то исключительное положеніе въ процессѣ, которое ей стремятся дать. *Не надо забывать, что въ нормальной системѣ суда вопросъ о подсудности есть болѣе вопросъ о порядкѣ суда, чѣмъ о правильности самаго суда.*

Если за всѣмъ тѣмъ нарушенія подсудности встрѣчаются относительно часто, то такое явленіе слѣдуетъ отнести не въ недостатку процессуальныхъ средствъ, а къ дѣйствию болѣе общихъ причинъ, о которыхъ я надѣюсь сказать въ заключеніи статьи.

Уклонившись отъ закона, наша судебная практика рѣшительно не можетъ найти общаго правила, которое опредѣляло бы значеніе подсудности. По тремъ главнымъ ея признакамъ, званію лица, свойству дѣла и мѣсту совершенія преступленія, сенатъ держится трехъ совершенно различныхъ воззрѣній: 1) нарушеніе подсудности по званію лица, какъ я уже говорилъ, онъ считаетъ нарушеніемъ не только порядка судопроизводства, но и публичнаго интереса. Такое нарушеніе не препятствуетъ приговору войти въ законную силу, но допускаетъ вмѣшательство третьихъ лицъ, и отмѣну приговоровъ въ порядкѣ инстанцій. 2) Нарушеніе подсудности по свойству дѣла признается нарушеніемъ только порядка судопроизводства, но столь важнымъ, что оно уничтожаетъ понятіе о законномъ преслѣдованіи и приговорѣ, допускаетъ вмѣшательство прокуроровъ и высшихъ судебныхъ мѣстъ, внѣ состязательнаго участія сторонъ и внѣ порядка судебныхъ инстанцій, и даже не требуетъ отмѣны приговора для вторичнаго сужденія. 3) Нарушеніе подсудности по мѣсту совершенія преступленія, по мнѣнію сената, имѣетъ второстепенное значеніе. Въ высшихъ инстанціяхъ, вопросъ о немъ не можетъ быть даже возбуждаемъ ex officio, внѣ указанія сторонъ. Сверхъ того, какъ кассаціонный поводъ, это нарушеніе признается несущественнымъ.

Въ немногихъ словахъ можно доказать несостоятельность всѣхъ трехъ воззрѣній.

Предположимъ, что у мирового судьи окончено миромъ дѣло объ обидѣ, нанесенной офицеромъ частному лицу. Предположимъ, что мировой судья, въ предѣлахъ закона, присудилъ къ штрафу въ 310 руб. Предположимъ, наконецъ, что обвиняемаго судятъ не по мѣсту совершенія преступленія, гдѣ всѣ доказательства, а въ отдаленномъ округѣ, гдѣ ихъ нѣтъ, или не тамъ, гдѣ выборный судья, а въ сосѣднемъ участкѣ, гдѣ правительственный чиновникъ.

Я нарочно взялъ некрупные примѣры, чтобы показать, какъ легко устанавливается прогрессія, обратная сенатской. Въ приведенныхъ примѣрахъ, нарушение № 1 будетъ самымъ ничтожнымъ, не затрагивающимъ ни публичнаго, ни частнаго интереса, ни даже порядка производства дѣла. Нарушение № 2 будетъ маловажно, даже пожалуй выгодно, потому что освободить и подсудимаго и государство отъ сложной процедуры общаго суда. Нарушение № 3 будетъ важнѣе всѣхъ. Оно обезоруживаетъ защиту, или же лишаетъ подсудимаго серьезнаго права судиться выборнымъ судьей. Оно будетъ неизмѣримо важно, если обвиняемый этимъ путемъ лишится суда присяжныхъ.

Приведенные примѣры указываютъ, что *въ нарушеніяхъ подсудности нѣтъ абсолютнаго значенія*. Каждое изъ нихъ, смотря по роду случая, можетъ быть и чрезвычайно важнымъ и безусловно ничтожнымъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, *правила о подсудности ни въ чемъ не должны быть отличаемы отъ всѣхъ прочихъ правилъ судопроизводства*.

Если таково значеніе правилъ о подсудности, до вступленія приговора въ законную силу, то со вступленіемъ его, очевидно, должны произойти общія послѣдствія этого процессуальнаго акта, а именно: если нарушение о подсудности совершилось по юридической или судебской ошибкѣ, то были ли приговоръ обжалованъ или нѣтъ, сдѣлана-ли ошибка низшимъ судьей, или самимъ сенатомъ,—это все равно; *незаконность рѣшенія покрывается законною силою приговора*.

Точно также, на силу судебного рѣшенія не можетъ оказать ни малѣйшаго вліянія и судебная или фактическая

ошибка въ опредѣленіи подсудности. Отчего-бы она ни произошла, приговоръ не можетъ быть отмѣненъ ни во вредъ судившемуся, ни въ пользу его, внѣ условій, изложенныхъ въ 23 и 935 ст. уст.

Не таковъ взглядъ сената. Сенатъ его высказалъ въ первый же годъ своего существованія по дѣлу майора Германовскаго, военно-служащаго, осужденнаго кронштадскимъ мировымъ судьей къ тремъ мѣсяцамъ ареста на гауптвахтѣ за оскорбленіе жены британскаго подданнаго Дженкинсъ. По вступленіи приговора въ законную силу и обращеніи его къ исполненію, военное начальство, усмотрѣвъ въ приговорѣ нарушеніе военной подсудности, внесло дѣло въ сенатъ, въ порядкѣ разрѣшенія пререканій по 237 ст.

Сенатъ не принялъ точку зрѣнія военнаго министерства; онъ основательно нашелъ, что въ данный моментъ пререканія быть не можетъ, но вмѣсто того, чтобы отказаться отъ разсмотрѣнія дѣла, за отсутствіемъ надлежащихъ уполномочій со стороны закона, сенатъ, цѣлымъ рядомъ сложныхъ умозаключеній, дошелъ до вывода, что въ данномъ дѣлѣ за военнымъ начальствомъ нельзя не признать права вмѣшательства въ качествѣ третьяго лица, порядкомъ, указаннымъ въ 185 и 188 ст. гражд. судопр., въ силу публичнаго интереса, нарушеннаго приговоромъ мирового судьи.

Это опредѣленіе, на которое 11 лѣтъ ссылаются всѣ, какъ на юридическій прецедентъ, едва-ли согласно съ закономъ. Не подвергая аргументацію сената подробному разсмотрѣнію, нельзя не видѣть, что ею упущены изъ виду слѣдующія первостепенныя обстоятельства: 1) что уголовный судъ, при наличности устава уголовного судопроизводства, не можетъ руководствоваться постановленіями устава гражданскаго; 2) что устраненіе вмѣшательства третьихъ лицъ есть характеристическая особенность уголовного процесса, основаннаго на принципѣ личной отвѣтственности; 3) что, во всякомъ случаѣ, въ гражданскомъ процессѣ пересмотръ рѣшеній, вступившихъ въ законную силу, по просьбамъ третьихъ лицъ установленъ не для огражденія подсудности и не ради част-

наго интереса; 4) что подобный пересмотръ ограниченъ извѣстнымъ срокомъ и обусловленъ обнаруженіемъ новыхъ обстоятельствъ, оставшихся неизвѣстными для суда, или подлогомъ, и въ 5) что къ уголовнымъ дѣламъ пересмотръ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть прилаженъ, потому что установленіемъ, ему соотвѣтствующимъ и его замѣняющимъ, является самостоятельный и болѣе обширный институтъ возобновленія уголовныхъ дѣлъ. Если правила о возобновленіи не могли быть примѣнены къ дѣлу Германовскаго, то это значило, что приговоръ по закону неотмѣнимъ, что законъ такой отмѣны не хочетъ и не допускаетъ; но брать въ займы у гражданскаго процесса учрежденіе, противное духу и свойству уголовныхъ дѣлъ, не представлялось ни малѣйшихъ основаній.

Нетрудно замѣтить, что общая точка зрѣнія, усвоенная сенатомъ по дѣлу Германовскаго на значеніе нарушеній о подсудности, представляется весьма опасною и грозитъ привести къ самымъ чрезвычайнымъ послѣдствіямъ. Уже и теперь понятіе о неприкосновенности приговора, вошедшаго въ законную силу, начинаетъ исчезать и приговоры, предъ значеніемъ которыхъ по мысли закона должны преклоняться всѣ, непоколебимость которыхъ должна давать суду силу и авторитетъ, эти приговоры безпрепятственно игнорируются представителями администраціи, высшими судами, прокуратурою, наконецъ исполнителями и даже частными лицами. Лично мнѣ, на примѣръ, извѣстенъ такой случай. Въ прошломъ году одинъ офицеръ былъ привлеченъ къ мировому суду за совмѣстное съ гражданскими лицами безчиніе и буйство. Возраженія подсудимаго о неподвѣдомственности дѣла не были признаны уважительными. Въмѣсто того, чтобы оспаривать подсудность въ установленномъ законномъ апелляціонномъ порядкѣ, подсудимый пропустилъ срокъ и приговоръ вошелъ въ законную силу. Пропускъ срока произошелъ не по недоразумѣнію, а сознательно. Офицеръ нашелъ, что ему нѣтъ надобности утруждать себя жалобою и рѣшилъ не обращать вниманія на приговоръ мирового судьи. Его начальство, въ свою очередь, вмѣсто того, чтобы свое-

временно возбудить предписанное законом пререканіе; сдѣлало представленіе объ отмѣнѣ приговора, по примѣру дѣла Германовскаго. Между тѣмъ, въ отношеніи того-же офицера возникло другое дѣло, въ военномъ судѣ. Въ настоящую минуту приговоръ мирового судьи остается неисполненнымъ болѣе года; военно-судное дѣло также не можетъ получить движенія. И офицеръ, болѣе года состоящій подъ судомъ за незначительный проступокъ, не несетъ обязанностей своей службы, столь важной для государства въ военное время. Конечно, все это послѣдствія никѣмъ непредвидимыя и нежелаемыя; тѣмъ не менѣе, нельзя не сказать, что практика, способная приводить къ такимъ результатамъ, дѣйствительно тяжко нарушаетъ публичный интересъ, въ самыхъ разнообразныхъ его значеніяхъ.

Вредныя послѣдствія взгляда, принятаго сенатомъ, конечно, не ограничиваются случаемъ мною приведеннымъ и ему подобными. Уклоненіе отъ закона, разъ допущенное, вноситъ смятеніе во всю судебную практику; вноситъ сбивчивость въ рѣшенія самаго сената; оно вызываетъ пререканія, затягивающія производство дѣлъ на многіе годы; открываетъ дорогу къ неосновательному и незаконному вмѣшательству въ производство уголовныхъ дѣлъ; извращаетъ отношенія судовъ къ собственнымъ приговорамъ, прокуратурѣ и судебной администраціи. И не говорю объ участи подсудимыхъ, она совершенно забывается. Наконецъ, практика сената оказываетъ самое прискорбное дѣйствіе на практику военного суда. Считая себя, и справедливо, нравственно подчиненнымъ руководительнымъ воззрѣніямъ сената по общимъ вопросамъ судопроизводства, главный военный судъ съ неумолимою послѣдовательностію отмѣняетъ всякій приговоръ, постановленный съ нарушеніемъ подсудности, какимъ бы путемъ до него не дошли свѣдѣнія о томъ. Такимъ образомъ, наряду съ кассаціей, въ обоихъ вѣдомствахъ возникаетъ отмѣненная закономъ ревизія и притомъ самаго произвольнаго и неправильнаго характера, ибо такая ревизія основывается на чистой случайности, не знаетъ никакихъ сроковъ и не признаетъ никакихъ ограниченій въ интересѣ обвиняемыхъ лицъ.

Десятилѣтнюю практику сената, по данному вопросу, можно раздѣлить на слѣдующія три группы: 1) случаи нарушенія общими судами спеціальной подсудности военныхъ, духовныхъ и волостныхъ судовъ, 2) случаи нарушенія подсудности низшими судами во вредъ высшимъ или нарушенія предѣловъ вѣдомства и 3) случаи назначенія подлежащими судами ненадлежащихъ наказаній или нарушеніе предѣловъ власти. Само собою разумѣется, что по каждой группѣ я могу высказаться лишь въ общихъ чертахъ.

1) Подсудность военныхъ и гражданскихъ судовъ такъ тѣсно между собою связана, что частыя нарушенія ея почти неизбежны по самому существу дѣла. Предупредить ихъ возможно лишь точнымъ опредѣленіемъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, свойства проступка и особенно свойства лица.

Нарушеній подсудности по свойству проступка, болѣе важныхъ чѣмъ по званію лица, почти не встрѣчается. Я нашелъ всего одинъ примѣръ этого рода (о. с. 73 г. № 36), когда мировой судья оправдалъ нижняго чина по обвиненію въ оскорбленіи унтеръ-офицера, что составляетъ воинское преступленіе. Но и этотъ нижній чинъ былъ безсрочно отпускнуой, а не военно-служащій. Что касается другаго случая (о. с. 69 г. № 30), въ которомъ былъ отмѣненъ оправдательный приговоръ присяжныхъ по обвиненію въ ограбленіи офицера рядовымъ, законно преданнымъ общему суду, по соучастію съ гражданскимъ лицомъ, то этотъ случай для меня совершенная загадка. Если-бы и допустить возможность того, что намѣреніе ограбить офицера можетъ быть тождественно съ намѣреніемъ оскорбить начальника, то и тогда надо было еще доказать, что обвиняемый могъ признать въ ограбленномъ офицера. Но какое же основаніе для этого представляетъ оправдательный приговоръ присяжныхъ? Сенатъ настолько сознавалъ условность отмѣны, что не рѣшился уничтожить одновременно приговоръ и о гражданской соучастницѣ, а между тѣмъ это неизбежно слѣдовало сдѣлать по правиламъ о смѣшанной подсудности.

Если двойное недоразумѣніе сената могло получить за-

конную силу, то я не вижу причины утверждать, чтобы рѣшеніе мирового судьи и особенно рѣшеніе присяжнаго суда не могли получить этой силы, даже если-бы они и были ошибочны.

Нарушенія подсудности, по свойству лица, встрѣчаются гораздо чаще и по своему значенію, конечно, далеко не всегда одинаковы. Судья можетъ привлечь лицо, явно ему неподвѣдомое; онъ можетъ неправильно опредѣлить подсудность по отсутствію должныхъ свѣдѣній, несобранныхъ или по его небрежности или по совершенной невозможности ихъ получить, или вслѣдствіе умолчанія подсудимаго или, наконецъ, вслѣдствіе ложныхъ его показаній. Между всѣми этими случаями огромная разница. Сенать ее отвергаетъ. Въ теченіи 10 лѣтъ, сенать неуклонно, въ силу взятаго имъ подъ особую, одностороннюю охрану публичнаго интереса, отмѣняетъ приговоры всѣхъ безъ различія судовъ, не обращая никакого вниманія на то, были-ли они исполнены или нѣтъ; полезна или безцѣльна ихъ отмѣна; согласна ли она съ самыми элементарными требованіями справедливости или несогласна.

Только одинъ разъ, во всю долготѣтную практику сената, состоялись два, несомнѣнно правильныя рѣшенія, постановленныя *въ одинъ и тотъ-же день*.

Въ 1872 г. (№ 3 и 10) сенать призналъ два приговора присяжныхъ судовъ *ненадлежащими*; несмотря на это, онъ отказалъ въ отмѣнѣ ихъ, по слѣдующимъ вполне разумнымъ основаніямъ: во 1) потому, что въ виду судовъ не имѣлось заявленій о неподвѣдомственности дѣла; 2) потому, что въ одномъ изъ этихъ случаевъ нарушеніе подсудности состоялось прямо по вѣнѣ военнаго начальства, не извѣстившаго о переводѣ подсудимаго въ военное вѣдомство; 3) потому, что приговоры, которыми они были осуждены, постановлены въ порядкѣ, представляющемъ наиболѣе гарантій для правосудія, и 4) потому, что отмѣна этихъ приговоровъ была-бы явнымъ отягощеніемъ участи осужденныхъ.

Отбрасывая неудачную прибавку о невозможной замѣнѣ наказаній, допущенную по обоимъ дѣламъ, мы видимъ, что

некомпетентность суда, по званію лица, вовсе не составляет обстоятельства, само по себѣ уничтожающаго силу и значеніе судебного рѣшенія. Котораго-же изъ двухъ высказанныхъ воззрѣній слѣдуетъ держаться? Очевидно, оба они не могутъ быть одинаково правильны, т. е. справедливы, законны и основательны. Что же изъ двухъ: приговоръ по неподсудному дѣлу, по закону, ничтоженъ или дѣйствителенъ? На это мы получаемъ два отвѣта и да и нѣтъ. Какой изъ нихъ болѣе желателенъ, — могутъ показать слѣдующіе два случая, изъ послѣднихъ. Рядовой Журановъ былъ осужденъ мировымъ судьей, какъ безсрочно-отпускной, въ три мѣсяца тюрьмы. Почти чрезъ годъ по отбытіи наказанія, сенатомъ предписана отмѣна приговора, по нарушенію подсудности, несмотря на то, что въ виду сената было новое, возбужденное въ военномъ вѣдомствѣ обвиненіе, поглощавшее отбытое наказаніе, даже если-бы оно и не было еще исполнено (о. с. 73 г. № 9). Еще болѣе странно рѣшеніе по дѣлу Селиванова. Этотъ рядовой, законно-преданный общему суду по обвиненію въ первомъ побѣгѣ и прожизнѣ по чужому виду, былъ оправданъ присяжными по обоимъ обвиненіямъ. Военное вѣдомство оспаривало подсудность побѣга, на томъ единственномъ основаніи, что по справкамъ, наведеннымъ имъ по вступленіи приговора въ законную силу, оказалось, что Селивановъ судился уже въ военныхъ судахъ и былъ наказанъ за два побѣга, совершенные въ мартѣ и сентябрѣ 1868 г., вслѣдствіе чего настоящій побѣгъ является третьимъ. Сенатъ не призналъ препятствій къ отмѣнѣ рѣшенія, несмотря на то, что въ данномъ случаѣ, со стороны гражданской судебной власти, не нарушена ни единая буква закона; несмотря на то, что приговоры присяжныхъ, особенно оправдательные, во всѣхъ образованныхъ государствахъ пользуются особенною неприкосновенностью; несмотря, наконецъ, на то, что въ данномъ дѣлѣ, въ лучшемъ случаѣ, вся вина цѣликомъ падала на тѣхъ, кто не извѣстилъ гражданскую власть о приговорахъ, постановленныхъ военными судами (о. с. 73 г. № 17).

Въ приведенныхъ примѣрахъ отмѣна приговоровъ послѣ-

довала по предложеніямъ, исходившимъ отъ военнаго вѣдомства, однако я по совѣсти не вижу никакихъ основаній относить вину исхода этихъ дѣлъ на военное вѣдомство, а не на сенатъ. Военное вѣдомство дѣйствовало въ своемъ правѣ, защищая подсудность своего суда. Точка зрѣнія, предложенная имъ по первому изъ этихъ дѣлъ, хотя и не отвѣчала точному смыслу законовъ, но при новизнѣ возбужденнаго вопроса была болѣе цѣлесообразною и неизмѣримо менѣе опасною, въ своихъ послѣдствіяхъ, чѣмъ та, которую принялъ сенатъ по собственному усмотрѣнію. Во всякомъ случаѣ, это было предложеніе и отъ сената зависѣло, если не по дѣлу Германовскаго, то впослѣдствіи, по другимъ дѣламъ, установить тотъ или иной взглядъ на нарушенія военной подсудности. Даже болѣе, начиная съ дѣла Германовскаго, военное вѣдомство лишь сообразовало свои дальнѣйшія представленія съ выраженнымъ, въ этомъ рѣшеніи, взглядомъ сената. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что военное вѣдомство подчинилось-бы и всякому другому воззрѣнію. (См. привед. выше рѣш. о. с. 1872 г. №№ 3 и 10). Въ практикѣ общаго собранія мы встрѣчаемся съ тѣмъ весьма характеристическимъ фактомъ, что сенату не разъ приходилось идти противъ требованій военнаго начальства или дальше ихъ и признавать подсудными военному суду такія дѣла, отъ которыхъ военное вѣдомство само отказывалось (напр., р. о. с. 73 г. № 13 и др.). Этотъ фактъ показываетъ, что наше военное вѣдомство совершенно чуждо стремленій къ столь опасному для гражданъ захвату подсудности гражданскихъ судовъ.

Отношеніе духовнаго вѣдомства къ силѣ судебныхъ приговоровъ появляется въ гораздо болѣе рѣзкихъ формахъ. Консисторіи прямо отказываются отъ исполненія приговоровъ, постановленныхъ, по ихъ мнѣнію, съ нарушеніемъ духовной подсудности. Одна изъ нихъ не усумнилась даже включить въ свой отказъ угрозу войти съ представленіемъ въ святѣйшій синодъ, чтобы мировымъ судьямъ было воспрещено разрѣшать такія дѣла духовенства, которыя между тѣмъ

несомнѣнно подвѣдомы свѣтскимъ судамъ (о. с. 71 г. № 72).

Случаи обратнаго нарушенія общей подсудности специальными судами, безъ сомнѣнія весьма частые, рѣдко доходятъ до сената. Въ одномъ изъ двухъ случаевъ, бывшихъ у него въ виду (73 г. № 32 и 75 г. № 35), само военное начальство признавало приговоръ полковаго суда ненадлежащимъ. Сенатъ, однако, ихъ не отмѣнилъ и тѣмъ какъ бы призналъ, что приговоры полковаго суда, этого подобія суда, обладаютъ большимъ авторитетомъ, чѣмъ приговоры присяжныхъ. Значеніе указываемаго мною случая тѣмъ интереснѣе, что сенатъ, по первому изъ этихъ дѣлъ, нашелъ возможнымъ отказать отъ исполненія приговора надлежащаго суда только потому, что приговоръ ненадлежащаго суда оказался исполненнымъ. Само собою разумѣется, что здѣсь нѣтъ никакой послѣдовательности. Если нарушеніе военной подсудности имѣетъ значеніе, то въ охраненіи гражданской подсудности общество во стократъ болѣе заинтересовано.

Иначе смотреть сенатъ на нарушеніе общей подсудности волостными судами. Сенатъ выдерживаетъ, самымъ неумолимымъ образомъ, начало полной недействительности такихъ приговоровъ, хотя-бы они и были уже исполнены. Въ этомъ отношеніи старая практика государственнаго совѣта (дѣло Евсѣева), къ стыду нашего времени, представляется несравненно гуманнѣе. Впрочемъ, когда встрѣтился случай нарушенія подсудности по ошибкѣ, сдѣланной не волостнымъ судомъ, а палатою, то сенатъ не удержался въ своей доктринѣ и постановилъ рѣшеніе, опрокидывающее всю практику какъ департамента, такъ и общаго собранія по вопросу о нарушеніи подсудности военной, духовной и сельской, а именно: сенатъ нашелъ, что подобный приговоръ *ни въ какомъ случаѣ* не подлежитъ отмѣнѣ, хотя-бы и оказалось, что онъ постановленъ по явно неподвѣдомому дѣлу. Другими словами, что *приговоръ по неподсудному дѣлу, въ своихъ законныхъ послѣдствіяхъ, можетъ быть уравниваемъ во всемъ съ приговоромъ*

по дѣлу подсудному, что собственно я и стремлюсь доказать (р. деп. 73 г. № 209).

Къ тому же выводу, строго говоря, направлено и рѣшеніе о. с. 75 г. № 13. Гражданская администрація требовала въ лицѣ министра финансовъ, ссылаясь на рѣшеніе по дѣлу Германовскаго, отмѣны приговора мирового судьи, вошедшаго въ законную силу, по проступку, подлежащему на основаніи прим. къ 1124 ст. уст. вѣдѣнію казенной палаты. Если-бы доктрина сената была вѣрна, если-бы неподлежащій приговоръ могъ считаться порочнымъ въ своемъ существѣ и неспособнымъ войти въ законную силу, то представленіе министра финансовъ слѣдовало-бы уважить. Сенатъ, однако, этого не сдѣлалъ. Въ данномъ представленіи онъ усмотрѣлъ то, что собственно слѣдуетъ усматривать во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода, а именно: желаніе обойти законъ или исправить упущеніе, происшедшее по невнимательности или небрежности кого-либо изъ должностныхъ лицъ (о. с. 71 г. № 140), и потому отказалъ ссылаясь на то, что вѣдомство министерства финансовъ, не опротестовавъ приговора въ установленный срокъ и въ установленномъ порядкѣ, тѣмъ самымъ *подчинилось* ему.

И такъ, на единственный вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ вошедшій въ законную силу приговоръ общаго суда, постановленный съ нарушеніемъ подсудности по званію лица, практика департамента и общаго собранія дастъ намъ слѣдующій рядъ отвѣтовъ:

1) Такой приговоръ не можетъ войти въ законную силу (о. с. 72 г. № 19).

2) Такой приговоръ можетъ войти въ законную силу (о. с. 66 г. № 94).

3) Онъ подлежитъ отмѣнѣ (о. с. 68 г. № 272).

4) Онъ не подлежитъ отмѣнѣ (о. с. 69 г. № 3, 73 г. № 94).

5) Онъ подлежитъ отмѣнѣ не по нарушенію правилъ судопроизводства, а въ силу нарушеннаго имъ публичнаго интереса (о. с. 68 г. № 227).

6) Онъ подлежитъ отмѣнѣ по нарушенію правилъ судопроизводства (о. с. 73 г. № 36).

7) Отмѣна можетъ быть допущена не иначе, какъ въ порядкѣ пересмотра судебныхъ рѣшеній, опредѣленномъ въ у. гр. с., ибо пререканіе о подсудности невозможно (о. с. 66 г. № 94).

8) Отмѣна можетъ состояться въ порядкѣ пререканій, по правиламъ уст. угол. суд. (о. с. 69 г. № 1, 72 г. № 6).

9) Неизвѣстность званія, въ моментъ опредѣленія подсудности, не устраняетъ отмѣны (о. с. 73 г. № 9).

10) Неизвѣстность званія уничтожаетъ возможность отмѣны (о. с. 72 г. № 3 и 10).

11) Отбытіе наказанія не оказываетъ никакого вліянія на отмѣну и ея послѣдствія (о. с. 68 г. № 227).

12) Отбытіе наказанія устраняетъ отмѣну, но допускаетъ замѣну его на основаніи военно-уголовныхъ законовъ (о. с. 72 г. № 3 и 10).

13) Отбытіе наказанія устраняетъ возможность какъ отмѣны, такъ и замѣны его (о. с. 69 г. № 3).

Итого 13 разнородныхъ отвѣтовъ, на одинъ и тотъ-же вопросъ. На которомъ же изъ нихъ слѣдуетъ остановиться? Я отвѣчаю ни на одномъ! Сверхъ противорѣчія другъ другу, всѣ они, безъ исключенія, противорѣчатъ закону. Противорѣчіе рѣшеній произошло отъ того, что сенатъ, отступивъ отъ устава, пренебрегъ великимъ принципомъ, въ немъ заключающимся. Сдѣлавъ это разъ, сенатъ естественно потерялъ всякую почву подъ собою и мѣсто твердаго, нелицепріятнаго и одинаковаго для всѣхъ порядка заступила зловредная случайность. Нужно-ли доказывать, что вредъ подобной случайности для отдѣльныхъ лицъ неизмѣримо превышаетъ общественный вредъ удержанія въ своей силѣ неподлежаще постановленнымъ приговорамъ!

2) Я перехожу теперь къ практикѣ департамента по другому вопросу, тѣсно связанному съ первымъ, а именно: по вопросу о нарушеніи подсудности низшими судами, во вредъ высшимъ, или къ подсудности по роду дѣлъ. Признаки,

опредѣляющіе ее, еще болѣе тонки и неуловимы, чѣмъ въ первомъ случаѣ, ибо здѣсь все зависитъ не отъ одной наличности точныхъ свѣдѣній, но главнымъ образомъ отъ правильности опредѣленія свойства преступленія. Трудность разграниченія подсудности по свойству дѣла будетъ всегда существовать по естественнымъ затрудненіямъ толкованія уголовныхъ законовъ; но она можетъ до безконечности увеличиться отъ безпорядочнаго состоянія уголовного законодательства. Какъ-бы то ни было, для исправленія ошибокъ въ истолкованіи признаковъ преступленія существуетъ кассационный порядокъ. Но ставить силу судебного приговора въ зависимость отъ ошибокъ подобнаго рода и здѣсь невозможно; иначе пришлось-бы подвергнуть судебныя рѣшенія тѣмъ самымъ безконечнымъ сомнѣніямъ и спорамъ, которые законъ стремится предупредить. Возможность такихъ споровъ извѣстна каждому спеціалисту; принимая во вниманіе это обстоятельство, пришлось-бы допустить, что по доброй половинѣ, т. е. по десяткамъ тысячъ дѣлъ, рѣшаемыхъ ежегодно, осужденные и оправданные должны оставаться всю жизнь подъ угрозою вторичнаго преслѣдованія. Я представлю доказательства. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что нѣтъ ничего проще опредѣленія подсудности порубки лѣса свыше 100 р., кражи, совершенной въ гостинницѣ, или угона чужаго скота и, однако, по каждому изъ этихъ случаевъ, сенату пришлось дать рѣшенія діаметрально противоположныя (о. с. 67 г. №№ 4 и 21 и др.). Въ однихъ эти дѣла признаются подсудными мировому суду; въ другихъ — окружному суду. Каждый судья, принявшій подобное дѣло къ своему разсмотрѣнію, будетъ правъ и не правъ; каждый приговоръ, имъ постановленный, будетъ надлежащъ и ненадлежащъ, отмѣнимъ и не отмѣнимъ, смотря потому, на какое изъ данныхъ рѣшеній мы сошлемся. Въ концѣ—концевъ и тѣ и другіе приговоры, по дѣламъ этого рода, придется считать ненадлежащими. Болѣе чѣмъ ясно, что условія общественной безопасности, требованія справедливости и правосудія, интересы публичный и частный, не могутъ допустить такого положенія вещей и

установленный закономъ порядокъ непоколебимости всѣхъ приговоровъ, безъ исключенія, восполняемый отвѣтственностью должностныхъ лицъ, имѣетъ всѣ преимущества цѣлесообразности.

Взгляды сената и въ этомъ пунктѣ, какъ и въ предыдущемъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ расходятся съ уставомъ. Практика департамента даетъ намъ примѣръ самыхъ прискорбныхъ случаевъ нарушенія начала неизмѣнности приговора.

Общее возрѣніе сената и притомъ позднѣйшее таково (75 г. № 394): приговоръ мирового суда, по неподсуднымъ дѣламъ, не можетъ войти въ законную силу; онъ подлежитъ во всякое время опротестованію прокурора, а частное, но весьма часто практикуемое — что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нѣтъ даже никакой надобности въ протестѣ и отмѣнѣ. Окружный судъ и палата вправѣ и даже обязаны не обращать никакого вниманія на такіе приговоры (р. 69 г. № 639; 72 г. № 30). Варіантъ этого частнаго положенія, принятый въ послѣдніе годы, состоитъ въ томъ, что подобные приговоры должны быть отсылаемы, также безъ отмѣны ихъ, на основаніи 117 ст. уст., по принадлежности (75 г. 643). Сенатъ, повидимому, нисколько не стѣсняетъ то обстоятельство, что ст. 117 относится къ такому моменту производства, когда не только приговора, вошедшаго въ законную силу, но и никакого еще не полагается. Если для охраненія порядка въ судопроизводствѣ мы станемъ и впредь избирать такіа безразборныя средства, то я право не знаю, что отъ этого порядка останется и до чего мы дойдемъ!

Большая часть указанныхъ мною рѣшеній имѣетъ въ виду такъ называемую судейскую ошибку, т. е. неправильную оцѣнку извѣстныхъ суду данныхъ, опредѣляющихъ подсудность. Но тоже можетъ произойти и по судебной ошибкѣ. Если обстоятельства оцѣнены правильно, и затѣмъ уже открываются новыя данныя, напр., дворянское состояніе осужденнаго, взломъ или повтореніе кражи, намѣреніе убить при

насиліи и т. п., то, казалось бы, законъ обязываетъ подчиниться ст. 22-ой уст. и оставить приговоръ неприкосновеннымъ. Не то мы видимъ въ рѣшеніяхъ сената. Встрѣтился слѣдующій любопытный случай: мировой судья осудилъ Еникѣева за кражу, находя возраженія подсудимаго о его дворянскихъ правахъ голословными. Тоже сдѣлалъ и сенатъ, которому Еникѣевъ жаловался. Обсуждая дѣло Еникѣева, по вступленіи приговора въ законную силу, когда осужденнымъ были представлены точныя доказательства его дворянства, сенатъ нашедъ: а) настоящій случай неподходящимъ подъ условія возобновленія; б) мировой съѣздъ не имѣвшимъ права дѣлать представленія; в) осужденнаго не имѣвшимъ права просить объ отмѣнѣ клонящейся къ отягощенію его участи; г) себя не имѣющимъ права отмѣнить приговоръ и въ концѣ-концевъ—приговоръ ненадлежащимъ, но отмѣнимымъ, только по протесту прокурора или, какъ выражается сенатъ: „публичной власти, на обязанности которой лежитъ охраненіе публичнаго интереса“. Такимъ образомъ выходитъ, что когда обвиненный, не отбывъ еще наказанія, будетъ просить объ отмѣнѣ, находя ее для себя выгодною, въ законѣ не окажется средствъ удовлетворить его просьбу; а когда, послѣ отбытія наказанія, вторичное преслѣдованіе отяготитъ осужденнаго двоякою карою, можетъ быть разорить его, а можетъ быть и разобьетъ его жизнь и жизнь близкихъ ему людей, тогда въ законѣ не встрѣтится къ тому никакихъ препятствій, ибо „прокуроръ противъ приговора ненадлежащаго суда имѣетъ право протестовать во всякое время“ (1872 г. № 1335). Никакой законъ, никакая европейская практика, не могутъ допустить подобныхъ результатовъ. Точно также практика не должна допускать отмѣны и въ другихъ случаяхъ нарушенія подсудности по недостаточности надлежащихъ свѣдѣній. У насъ, напр., подсудность нарушается часто по винѣ самихъ осужденныхъ. Эта вина выражается обыкновенно въ двухъ формахъ: въ сокрытіи имени или сокрытіи судимости, но безъ подлога. Напрасно стали бы мы искать въ рѣшеніяхъ сената общей оцѣнки этихъ обстоя-

тельствъ. Сенатъ рѣшаетъ каждый случай отдѣльно, не соблюдая никакой послѣдовательности ни по времени, ни по характеру дѣла.

До 1871 г. приговоры объ осужденныхъ подъ чужими именами и даже съ сокрытіемъ прежней подсудности признавались не подлежащими отмѣнѣ; предписывалось одно исправленіе имени (№ 1824). Въ первой половинѣ 1872 г. къ этому явилась прибавка, что „хотя подобный приговоръ и не подлежитъ отмѣнѣ по представленію суда, въ порядкѣ возобновленія дѣлъ, однако прокуроръ можетъ противъ него протестовать во всякое время, какъ противъ приговора ненадлежащаго суда“ (№ 651). Наконецъ, во второй половинѣ 1872 г., въ томъ же самомъ обстоятельствѣ сокрытія имени, да еще вдобавокъ безъ сокрытія судимости, уже прямо усматривается законный поводъ къ возобновленію дѣла во вредъ осужденному, на основаніи 23 ст. уст., причемъ упускается изъ виду: 1) что наименованіе себя ложнымъ именемъ составляетъ по закону преступленіе не безусловно, а только при извѣстныхъ обстоятельствахъ, во 2) что по 23 ст. возобновленію должно предшествовать осужденіе за ложное наименованіе и 3) что судебнымъ приговоромъ должно быть признано, что судившійся этимъ путемъ избавился отъ заслуженнаго наказанія (№ 1234).

По одному изъ послѣднихъ случаевъ произошло нѣчто такое, что способно было-бы отбить всякую охоту поддерживать ученіе о ненадлежащемъ судѣ.

Нѣкто Козицынъ въ 1870 и 71 гг. былъ осужденъ четырьмя приговорами петербургскихъ мировыхъ судей за четыре кражи (1872 г. № 1620; 74 г. № 233) по 1-й и 3-й подъ своимъ именемъ; по 2-й и 4-й подъ именемъ Фалина; за 1, 2 и 3 къ 3 мѣс. тюрьмы за каждую, а за 4 къ 6 мѣсяцамъ. Всѣ эти 15 мѣсяцевъ тюрьмы Козицынъ отбылъ, съ своей стороны добросовѣстно, т. е. сполна: было-ли принятіе чужаго имени уловкой или просто глупостью подсудимаго, — неизвѣстно; но ее замѣтили въ прокуратурѣ и, конечно, возбудили вопросъ о ненадлежащемъ судѣ.

Товарищъ прокурора не замедлилъ потребовать отъ судьи постановившаго второй приговоръ, представленія объ отмѣнѣ, а сенатъ не замедлилъ его уважить. Хотя приговоръ былъ отмѣненъ для пересмотра, но мировой судья ни въ какому пересмотру не приступалъ, а просто на просто передалъ дѣло въ окружный судъ и вотъ черезъ два года, въ теченіи которыхъ Козицынъ безъ сомнѣнія содержался подъ стражею, дѣло о немъ снова фигурируетъ въ сеп. рѣш. 1874 г. подъ № 235. Случилось то, что прокуроръ, мировой судья и сенатъ въ совокупности просмотрѣли полную бесполезность отмѣны втораго приговора. Окружный судъ правильно отказался отъ разсмотрѣнія второй кражи, находя ее, во всякомъ случаѣ, подсудною мир. судѣ, но съ своей стороны потребовалъ отмѣны третьяго и четвертаго приговоровъ. По предписанію съѣзда, въ порядкѣ надзора (?), мировой судья, постановившій четвертый приговоръ, вошелъ съ новымъ представленіемъ о возобновленіи дѣла. Сенатъ уважилъ и это представленіе; но третій приговоръ остался опять таки неотмѣненнымъ. Можно думать, что въ рѣшеніяхъ 1876 г. мы еще разъ встрѣтимся съ отмѣною третьяго приговора, хотя по 3 кражѣ Козицынъ своего имени не мѣнялъ. Если мы сведемъ все, что сдѣлано по этому дѣлу, если мы возьмемъ въ расчетъ четыре наказанія, отбытыя по четыремъ приговорамъ, вмѣсто можетъ быть одного по совокупности, возьмемъ сверхъ того во вниманіе четырехлѣтній подслѣдственный арестъ, то мы должны будемъ согласиться, что въ наказаніи, наложенномъ окружнымъ судомъ за тѣже самыя преступленія, есть нѣчто такое, чему трудно подобрать имя. Впрочемъ, въ виду отмѣны втораго приговора, настоящая аттическая соль этого случая заключается въ слѣдующемъ: если мы доведемъ до конца тенденцію сената, уничтожающую значеніе ненадлежащихъ приговоровъ со всѣми ихъ послѣдствіями; представимъ себѣ, что послѣ втораго и четвертаго отмѣненъ и третій приговоръ; прибавимъ сюда уже новое обвиненіе еще и въ пятой, простой кражѣ, то мы получимъ въ окончательномъ результатѣ то, что, вѣроятно, и не предвидѣлось никому изъ уча-

стниковъ отмѣны, а именно: совокупность четырехъ вторыхъ кражъ—преступленіе, подвѣдомое мировому суду. Вотъ къ какимъ результатамъ можетъ привести безразборчивое уничтоженіе приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу!

Послѣ всего сказаннаго, бесполезно было-бы слѣдить далѣе за перипетіями кассационной практики по тому же вопросу о нарушеніи подсудности высшихъ судовъ. Точно также нѣтъ никакой надобности дѣлать выводы и произносить свое сужденіе. Въ этихъ несообразностяхъ частныхъ случаевъ, въ этомъ противорѣчій рѣшеній по одному и тому же предмету, въ этомъ безсиліи отыскать внѣ закона какой либо руководящій принципъ, согласный съ справедливостью,—заключается лучшее одобреніе закона, и самое беспощадное, самое суровое осужденіе принятаго практикою направленія.

IV. Превышеніе власти можетъ выразиться не въ одномъ нарушеніи подсудности или предѣловъ вѣдомства, но и въ назначеніи наказанія, въ формѣ присвоенія власти.—Такъ какъ четвертый доводъ защитниковъ недействительности незаконныхъ приговоровъ, а именно: невозможность ихъ исполненія, относится именно къ этимъ случаямъ, то разсмотрѣніе ихъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнкою этого довода.

Возьмемъ самые дикіе примѣры. Положимъ, мировой судья осудилъ къ 50 годамъ тюремнаго заключенія; къ ссылке въ китайскую имперію; къ повѣшенію за ноги. Конечно, такіе приговоры могутъ быть постановлены только сумасшедшимъ судьей, однако, по моей теоріи и къ нимъ нельзя относиться презрительно, ибо послѣдовательное примѣненіе принципа непоколебимости силы судебного рѣшенія требуетъ, чтобы *всякій безъ исключенія приговоръ, постановленный органомъ суда и своевременно не обжалованный, былъ способенъ войти въ законную силу.* Конечно, нѣтъ никакой надобности особенно останавливаться на приведенныхъ примѣрахъ. Одиннадцатилѣтняя практика нашего суда, при всѣхъ недостаткахъ нынѣшняго состава судей, при всемъ пренебреженіи нашемъ къ важнѣйшимъ условіямъ правильнаго суда, показываетъ, что возможность постановленія такихъ приговоровъ равняется нулю. Поэтому отталки-

вать благодѣтельную силу судебного приговора, изъ-за одной несбыточной невозможности, больше чѣмъ неразумно. Въ столь важномъ общественномъ дѣлѣ, какъ дѣло суда, нельзя приносить выгоды дѣйствительности въ жертву пустымъ страхамъ, призракамъ, лишеннымъ бытія. Указанные примѣры приведены только для ясности. Какже однако поступать съ подобными, очевидно неисполнимыми приговорами? Я полагаю, тутъ могутъ быть примѣнены указанные въ началѣ настоящей статьи мѣры, а именно: безпощадная отвѣтственность виновныхъ — для предупрежденія; помилованіе — для исправленія ошибокъ, вредящихъ отдѣльнымъ лицамъ. Что касается помилованія, то нельзя найти другаго случая, въ которомъ оно являлось бы столь необходимымъ коррективомъ правосудія, какъ настоящій.

Обращаясь къ дѣйствительно бывшимъ примѣрамъ судебныхъ ошибокъ въ назначеніи наказанія, мы видимъ, что заочное осужденіе къ тюрьмѣ (66 г. № 55); наложеніе штрафа впредь до указанія виновныхъ (67 г. № 223); осужденіе сына вмѣсто отца (68 г. № 75); пикантное присужденіе къ наказанію крестьянскаго адвоката вмѣсто его довѣрителей (70 г. № 363), или лица, котораго самъ обвинитель не признавалъ участникомъ преступленія (70 г. № 639); назначеніе тюрьмы вмѣсто штрафа (67 г. № 303, 305); назначеніе кровосмѣсителю заключенія въ монастырь (70 г. № 1215); назначеніе наказанія за грабежъ вмѣсто мошенничества, за вооруженную кражу вмѣсто разбоя (71 г. № 503); неправильное примѣненіе 177 ст. м. у. вмѣсто 362 ул. (71 г. № 1575), а также 1692 ст. (71 г. № 1699); присужденіе оправданнаго къ судебнымъ издержкамъ и многое множество подобныхъ казусовъ, несмотря на всю ихъ заманчивость, не исправляются сенатомъ единственно въ силу состязательнаго характера процесса. При всей несообразности нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ приговоровъ, я, съ своей стороны, долженъ признать вмѣстѣ съ сенатомъ, что къ возобновленію дѣлъ въ изложенныхъ случаяхъ дѣйствительно не представлялось законныхъ основаній. Не жаловался во время, значитъ подчи-

нился приговору; значить былъ имъ доволенъ; значить признавалъ его справедливымъ; а затѣмъ, правъ или не правъ судья, законенъ или незаконенъ его приговоръ, я этого не знаю, да и знать не могу, вотъ все, что сенатъ въправѣ былъ сказать.

Въ ошибкахъ подобнаго рода нельзя не держаться самымъ неуклоннымъ образомъ начала состязанія; по самому свойству ошибокъ этой категоріи, государство располагаетъ рѣшительными средствами къ ихъ предупрежденію. Тщательный выборъ судей, простой и точный уголовный законъ, хорошая организація обвиненія и защиты и въ особенности отвѣтственность виновныхъ, вотъ что требуется. Государство обязано привести эти средства въ дѣйствіе, иначе придется признать судебную реформу несостоятельною, отказаться отъ принципа силы судебного рѣшенія и возвратиться къ старымъ порядкамъ.

Нѣсколько примѣровъ сенатской практики подкрѣпляютъ это положеніе: 1) мировой судья, неправильно исчисливъ годы подсудимаго, опредѣлилъ вмѣсто тюрьмы отдачу родителямъ на исправленіе. Съѣздъ отвергъ требованіе товарища прокурора объ исправленіи ошибки; сенатъ согласился съ съѣздомъ по слѣдующимъ основаніямъ, отлично выражающимъ мысль закона: а) ст. 168 допускаетъ увеличеніе наказанія не иначе, какъ по требованію обвинителя; б) жалоба соучастника не можетъ замѣнить этого требованія; в) при такомъ положеніи дѣла указаніе товарища прокурора на неправильное наказаніе можетъ быть сдѣлано въ видахъ предупрежденія на будущее время упущеній подобнаго рода, или въ видахъ возбужденія отвѣтственности судьи, но ни въ какомъ случаѣ не въ видахъ увеличенія наказанія осужденному (67 г. № 290).

2) Мировой судья неправильно примѣнилъ законъ о давности. Вслѣдствіе нарушенія въ порядкѣ подачи жалобъ, мировой съѣздъ отказалъ упр. госу. имущ. въ разсмотрѣніи отзыва. Главный доводъ протеста состоялъ въ томъ, что нарушеніе порядка подачи жалобъ не должно лишать казну принадлежащаго ей права взысканія. Сенатъ осудилъ этотъ

доводъ, въ слѣдующихъ превосходныхъ выраженіяхъ. Одно изъ основныхъ началъ новаго суда есть равенство суда для всѣхъ сторонъ, не исключая и государства или казны. А потому упущенія ея представителей должны имѣть тѣже послѣдствія, какія несутъ въ подобныхъ случаяхъ частныя лица (67 г. № 308).

3) Мировой судья неправильно примѣнилъ высочайшій манифестъ 1866 г. къ дѣлу о порубкѣ, упр. гос. им. изъ-явило свое согласіе, но потомъ, получивъ разъясненіе манифеста изъ 1-го департамента сената, обратилось съ просьбою о возобновленіи дѣла. Сенатъ отказалъ по слѣдующимъ соображеніямъ: основаніемъ къ возобновленію дѣла и отміну приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, можетъ служить не какое либо нарушеніе формъ судопроизводства, неправильное примѣненіе закона или превышеніе власти, а лишь открытіе новыхъ доказательствъ при условіяхъ, указанныхъ въ 23 и 935 ст. уст. (68 г. № 13).

4) Въ одномъ дѣлѣ мировой судья просто ошибся въ исчисленіи суммы штрафа на цѣлые 100 р. во вредъ осужденному и самъ созналъ свою ошибку (69 г. № 859); въ другомъ, судья удесятирилъ штрафъ и его ошибка была подтверждена отзывомъ самаго управ. акц. сб. (69 г. № 940). Въ обоихъ случаяхъ судья и съѣздъ находили, что дѣла должны быть возобновлены, потому что обвиняемые понесли наказаніе выше мѣры содѣяннаго. Сенатъ совершенно правильно отказалъ по обоимъ дѣламъ, на томъ единственномъ основаніи, что отъ обвиняемыхъ зависѣло своевременно усмотрѣть ошибку и обжаловать ее, а не сдѣлавъ этого, они безвозвратно должны подчиниться приговору. Еще одного примѣра изъ практики окружныхъ судовъ будетъ достаточно, чтобы окончательно выяснитъ этотъ вопросъ. Ярославскій окружный судъ приговаривалъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе вмѣсто арестантскихъ отдѣленій гражданскаго вѣдомства. Замѣтивъ ошибочное примѣненіе 150 ст. улож., судъ, при составленіи приговора въ окончательной формѣ, не счелъ себя вправе самовольно исправить его и сдѣлалъ предъ-

ставленіе въ сенатъ. Сенатъ нашелъ представленіе незаконнымъ и хотя призналъ происшедшую ошибку (впрочемъ неосновательно) за обстоятельство, достаточное для возстановленія срока на обжалованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ, что исправленіе ошибки можетъ послѣдовать не иначе, какъ по просьбамъ сторонъ, *если они сочтутъ нужнымъ жаловаться* (71 г. № 1727).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою цѣлый рядъ приговоровъ несомнѣнно ошибочныхъ, вступившихъ однако въ законную силу и сдѣлавшихся непререкаемыми. Ошибки, допущенныя въ этихъ приговорахъ, несравненно значительнѣе тѣхъ, которыя встрѣчались намъ въ рѣшеніяхъ некомпетентныхъ судовъ. Въ трехъ первыхъ случаяхъ, судившіеся были неправильно освобождены отъ отвѣтственности съ явнымъ ущербомъ для казны государства; въ трехъ послѣднихъ, наоборотъ, осужденные были ошибочно подвергнуты наказанію выше мѣры содѣяннаго. Тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ приговоровъ не былъ отмѣненъ. Во всѣхъ шести случаяхъ сенатъ, поддерживая состязательное начало, правильно оцѣнилъ значеніе судейскихъ ошибокъ въ процессѣ, признавъ умѣстнымъ не отмѣну приговора, а отвѣтственность за ошибку: во 1-хъ, судьи, ее сдѣлавшаго, во 2-хъ, той стороны, которая допустила ее себѣ во вредъ своимъ нерадѣніемъ.

Изъ этого вывода могутъ быть допущены, въ интересахъ осужденныхъ, только три исключенія, не колеблющія силы приговора. Это: во 1) упомянутый мною отказъ государства отъ исполненія приговора, во 2) помилованіе, о которомъ я также уже говорилъ, и въ 3) исправленіе назначеннаго наказанія въ формѣ замѣны его, отнесенной самимъ уст. (ст. 959) къ исполненію приговоровъ. Сенатъ отчасти признаетъ этотъ взглядъ, но часто переходитъ предѣлы, указанные закономъ. Необходимое ограниченіе, которое здѣсь слѣдуетъ поставить, состоитъ въ томъ, что исправленіе путемъ замѣны нецелоты, неточности и другихъ недостатковъ приговора, отнюдь не должно вредить осужденному, въ силу точнаго смысла 4 п. 959 ст., общаго правила, заключающа-

гося въ 23 ст., и правилъ апелляціоннаго и кассационнаго производствъ, воспреещающихъ усиливать наказаніе безъ прямого требованія о томъ обвинителя. Съ переходомъ приговора къ исполненію такого требованія и быть не можетъ, ибо обвинитель исчезаетъ, остается исполнитель.

Сюда слѣдуетъ отнести: 1) приговоры, основанные на отмѣненныхъ или измѣненныхъ законахъ, если вновь изданные мягче (67 г. № 608); 2) неправильно назначенную замѣну наказанія, во всѣхъ ея видахъ (70 г. № 478, 506, 536, 1000; 71 г. № 1803 и др.); 3) исправленіе ошибочно обозначеннаго въ приговорѣ имени осужденнаго (71 г. № 1824); 4) замѣну военно-служащимъ общихъ наказаній военно-уголовными (о. с. 1869 г. № 3; 1862 г. № 28 и др.), и 5) дѣла о бродягахъ (1870 г. № 617).

Практика сената, по тремъ послѣднимъ пунктамъ, представляетъ любопытнѣйшіе примѣры, отрицательно подтверждающіе главную мысль моей темы и даетъ матеріалъ для самыхъ благопріятныхъ выводовъ. Къ моему сожалѣнію, я долженъ отказаться отъ нихъ, иначе я рискую растянуть статью въ цѣлую диссертацию.

V. Чтобы покончить съ четвертымъ положеніемъ, мнѣ остается разсмотрѣть пятый и послѣдній доводъ защитниковъ измѣняемости приговоровъ, вступившихъ въ законную силу, заключающійся въ указаніи на право надзора. Многіе практическіе юристы утверждаютъ, что приговоръ, вошедшій въ законную силу, можетъ быть отмѣненъ сенатомъ, въ порядкѣ надзора, внѣ установленныхъ закономъ способовъ отмѣны. Министерство юстиціи до 1877 года, повидимому, твердо держалось этого убѣжденія. Сенатъ склонялся къ нему только отчасти. Въ рѣш. по дѣлу Германовскаго и ин. др. ссылка на 249 и 250 ст. учрежд. суд. уст. играла второстепенную роль.

Нѣтъ ничего легче, какъ доказать ошибочность этого сужденія. Ст. 249 и 250, относящіяся къ опредѣленію существа надзора высшихъ судебныхъ мѣстъ за низшими, вовсе не имѣютъ спеціальнаго характера уголовнопроцес-

суальных постановлений. Они относятся столько же къ гражданскимъ сколько и къ уголовнымъ судамъ. Но какой же цивилистъ рѣшится поддерживать право сената вмѣшиваться, въ силу этихъ постановлений, въ производство гражданскихъ дѣлъ и отмѣнять рѣшенія тамъ, гдѣ этого законъ не допускаетъ. Криминалистъ не имѣетъ ни малѣйшихъ законныхъ основаній держаться иного способа толкованія 250 ст. Подобно цивилисту, онъ не можетъ допустить возстановленія нарушеннаго порядка и вмѣшательства высшаго суда внѣ правилъ, предписанныхъ закономъ. Другими словами, ст. 250 не раздвигаетъ ни на одну іоту обычныхъ рамокъ власти сената въ кассациіи и реабилитаціи уголовныхъ дѣлъ. Никакое другое объясненіе закона невозможно уже потому, что ст. 250 не есть спеціальное постановленіе, относящееся только къ сенату, а общее правило для всѣхъ судебныхъ мѣстъ. Если сенатъ, въ силу этой статьи, можетъ измѣнять установленный порядокъ судопроизводства, то ту же власть слѣдуетъ признать и за съѣздомъ, окружнымъ судомъ и судебною палатою.

Въ знаменитомъ по своему значенію опредѣленіи, постановленномъ въ распорядительномъ засѣданіи 20 ноября 1869 г., сенатъ имѣлъ спеціальные поводы коснуться вопроса объ объемѣ и характерѣ своихъ правъ въ порядкѣ надзора. Въ этомъ опредѣленіи, изложенномъ съ особенною тщательностью, я нахожу лучшее подтвержденіе основной мысли моей статьи, и вмѣстѣ съ тѣмъ новое доказательство того, съ какимъ знаніемъ дѣла, политическимъ тактомъ и пониманіемъ своей высокой задачи сенатъ можетъ разрѣшать самые затруднительные случаи. Опредѣленіе 20 ноября совершенно категорично и не допускаетъ никакихъ сомнѣній.

Не останавливаясь на томъ, что министерство юстиціи не имѣло законныхъ основаній обращаться къ сенату въ той формѣ, въ которой оно это сдѣлало, я укажу лишь существо опредѣленія. Безъ сомнѣнія, всѣмъ извѣстно, что поводомъ къ нему послужило предложеніе министра юстиціи объ отмѣнѣ цѣлаго ряда неправильныхъ опредѣленій московской

и петербургской судебныхъ палатъ о прекращеніи преслѣдованія по уголовнымъ дѣламъ. Признавъ указанныя министерствомъ постановленія палатъ безусловно неправильными, сенатъ тѣмъ не менѣе не отмѣнилъ ни одного изъ нихъ.

„Въ порядкѣ надзора, говоритъ сенатъ, никакой высшій судъ не можетъ отмѣнить или измѣнить рѣшенія или опредѣленія подчиненнаго ему суда, когда оно дошло до него не по тѣмъ правиламъ, при которыхъ законъ допускаетъ отмѣну или измѣненіе неправильнаго рѣшенія или опредѣленія, т. е. не въ порядкѣ частномъ, апелляціонномъ или кассационномъ. Такъ какъ на опредѣленія судебныхъ палатъ о прекращеніи слѣдствія ни жалобы, ни протесты не допускаются, то надзоръ по этому предмету можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ не отмѣну этихъ опредѣленій, а лишь указаніе допущеннаго палатою неправильнаго истолкованія закона, нарушенія порядка судопроизводства или превышенія власти, въ случаяхъ же, не оправдываемыхъ недоразумѣніемъ, возбужденіе дисциплинарнаго производства и даже преданіе суду тѣхъ, кто дозволитъ явное превышеніе власти или иное злоупотребленіе.“ На этомъ извлеченіи мы можемъ остановиться; сказаннаго слишкомъ достаточно для разрѣшенія нашей задачи.

И такъ: а) Въ порядкѣ надзора состязательное начало судопроизводства не терпитъ никакихъ исключеній и ограниченій.

в) Въ установленнаго порядка обжалованій, ошибки суда, какъ бы ни было велико ихъ значеніе, не могутъ быть исправлены отмѣною или измѣненіемъ судебныхъ рѣшеній.

с) Преданіе дисциплинарной и даже уголовной отвѣтственности можетъ состояться и безъ отмѣны того дѣйствія, за совершеніе котораго преслѣдуется судья.

Въ этихъ трехъ положеніяхъ, извлеченныхъ изъ рѣш. 1869 г. № 817, заключается прекрасное подтвержденіе всѣхъ главныхъ доводовъ, раньше приведенныхъ.

Для вашего утвержденія ихъ правильности, я позволю себѣ остановить вниманіе читателя на слѣдующихъ сближеніяхъ:

1) Приговоръ суда входитъ въ законную силу не прежде того, какъ всѣ мѣры, допускаемыя закономъ для обнаруженія преступленія и охраненія законности приговоровъ путемъ обжалованія, будутъ исчерпаны. Такимъ образомъ, приговоръ есть торжественный и окончательный актъ правосудія. Определеніе палаты, несмотря на свой окончательный характеръ, и приблизительно не имѣетъ того-же значенія.

2) Приговоромъ суда общественный искъ преслѣдованія исчерпывается и погашается въполнѣ. Определеніе палаты пресѣкаетъ уголовный искъ, такъ сказать, насильственно, въ самомъ его началѣ; искъ остается неосуществленнымъ.

и 3) Осуждающій приговоръ суда подвергаетъ подсудимаго наказанію, хотя можетъ быть въ мѣрѣ, не соотвѣтствующей его винѣ. Определеніе палаты вовсе устраняетъ отвѣтственность. Тѣ неудобства вторичнаго преслѣдованія, какія существуютъ въ первомъ случаѣ, не существуютъ во второмъ. Если при этомъ сличеніи значеніе определеній и приговоровъ оказывается далеко не одинаковымъ, и если, несмотря на то, определенія, даже въ случаѣ явной, признанной ихъ противозаконности, не подлежатъ отмѣнѣ только потому, что законъ даетъ имъ значеніе окончательныхъ, то какимъ образомъ могутъ подлежать протесту и быть отмѣнимы—приговоры, вступленіе которыхъ въ законную силу обставлено всѣми гарантіями, необходимыми для огражденія интересовъ сторонъ?

Въ 10 п. своего предложенія сенату министерство обжаловало, между прочимъ, неправильное определеніе московской судебной палаты о подсудности одного дѣла мировому судѣ. На ряду съ другими неправильностями сенатъ призналъ и это определеніе неотмѣнимымъ. По какимъ же соображеніямъ, на основаніи какихъ законовъ, можетъ быть отмѣнимъ постановленный на основаніи этого определенія приговоръ мирового судьи, приговоръ, представляющій ничто иное, какъ обязательное, по самому уставу, исполненіе определенія палаты. Между тѣмъ по практикѣ сената другая палата или другой составъ той же самой палаты, усмотрѣвъ неподвѣдомственность дѣла мировому судѣ, имѣютъ полное

право, не обращаясь къ сенату, отмѣнить приговоръ, а слѣдовательно и опредѣленіе, на которомъ онъ былъ основанъ. Другими словами, палата можетъ пользоваться большею властью, чѣмъ та, которая принадлежитъ самому сенату, и прерогативой дѣйствовать внѣ всякихъ правилъ судопроизводства. Приложение другихъ пріемовъ сенатской практики къ изложенному случаю, а именно: право неограниченнаго протеста прокуроровъ и передачи дѣлъ по ст. 117 уст. уг. суд. еще болѣе извратило-бы законныя понятія о силѣ приговоровъ и отношеніяхъ между собою различныхъ органовъ судебной власти. Подобныя несообразности не могутъ быть допущены ни при какихъ условіяхъ и ни по какому поводу.

Основываясь на изложенныхъ соображеніяхъ, извлеченныхъ изъ разума сенатскаго опредѣленія 20 ноября 1869 г., я вправѣ придти къ слѣдующему, окончательному выводу:

Освященное силою судебного приговора, вошедшаго въ законную силу, нарушеніе подвѣдомственности дѣла или подсудности во всѣхъ ея видахъ влечетъ за собою не отмѣну приговора, а лишь ответственность лица, превысившаго свою власть.

Тоже самое правило слѣдуетъ соблюдать и во всѣхъ другихъ случаяхъ судебскихъ ошибокъ, какъ-бы они ни были очевидны и грубы. Прекрасное подтвержденіе этой мысли я нахожу въ другомъ опредѣленіи распорядительнаго засѣданія 17 февраля 1870 года, за № 485, составляющемъ какъ-бы продолженіе перваго. Ссылно-поселенецъ Корнѣй Векличъ былъ осужденъ полтавскимъ окружнымъ судомъ, по ошибкѣ въ примѣненіи закона, за побѣгъ изъ Сибири, на болѣе ни менѣе, какъ къ каторжнымъ работамъ и 40 ударамъ плетей, вмѣсто заключенія въ тюрьмѣ отъ 8 мѣс. до 1 г. и 4 мѣс., которому онъ могъ подлежать по закону. Такъ какъ судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи наказанія ссылкой въ Сибирь на поселеніе, то дѣло поступило къ министру юстиціи. Министръ, усмотрѣвъ въ приговорѣ нарушеніе закона, предложилъ сенату исправить ошибку въ порядкѣ надзора. Сенатъ, вѣрный началамъ, принятымъ имъ 20 ноября

1869 г., отказалъ въ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ, что такъ какъ приговоръ, опредѣляющій наказаніе болѣе строгое и совершенно другаго рода, не былъ въ установленный срокъ обжалованъ или опротестованъ и *вслѣдствіе того* вошелъ въ законную силу, то затѣмъ и смягченіе осужденному наказанія, соотвѣтственно истинному разуму закона, можетъ послѣдовать лишь въ порядкѣ испрошенія монаршаго милосердія.

Такимъ образомъ, возвратъ сенатской практики на истинный путь, указанный закономъ, обезпеченъ. Сенату остается только убѣдиться въ несостоятельности своихъ теперешнихъ взглядовъ и затѣмъ положить въ основу будущей практики свои опредѣленія отъ 20 ноября 1869 г. и 17 февраля 1870 года.

При этомъ существенную услугу въ томъ же направленіи могутъ оказать слѣдующія два рѣшенія общаго собранія: 1872 г. № 43 и 1875 г. № 58.

По послѣднему изъ этихъ рѣшеній, состоявшемуся также въ порядкѣ надзора, сенатъ нашелъ, что мировые судьи московскаго столичнаго округа, въ теченіи продолжительнаго времени, принимали къ своему разсмотрѣнію такія дѣла, которыя безусловно имъ неподсудны (п. 4 стр. 107). Несмотря на тройное нарушеніе закона, а именно: смѣшеніе понятія утраты съ растратою, нарушеніе подсудности общимъ судамъ и, наконецъ, нарушеніе подсудности въ особомъ порядкѣ судопроизводства, установленномъ для преступленій по должности, о которыхъ въ мотивахъ къ судебнымъ уставамъ сказано, что они „ни въ какомъ случаѣ мировымъ судамъ не подлежатъ“, ни одинъ приговоръ мировыхъ судей не былъ отмѣненъ. Да и какъ быть иначе. Рѣшивъ сенатъ допустить эту отмѣну, ему пришлось-бы перевернуть вверхъ дномъ всю московскую юстицію и произвести настоящую революцію въ средѣ судившихся. Въ этомъ отношеніи рѣшеніе общаго собранія 1875 г. № 58 въ высшей степени замѣчательно. Указывая, буквально, на тысячи вопіющихъ нарушеній судопроизводства, уничтожающихъ всякое представленіе о надлежащемъ

судѣ, это рѣшеніе наглядно доказываетъ неизбѣжную необходимость, въ видахъ государственной и частной пользы, примириться съ такими нарушеніями, коль скоро они покрыты законною силою приговора.

Рѣшеніе 1872 г. № 43 имѣетъ не меньшій интересъ, въ смыслѣ общаго заключенія или вывода изъ всего изложеннаго. Изъ этого рѣшенія видно, что уголовный кассационный департаментъ предложилъ на обсужденіе общаго собранія слѣдующій общій вопросъ: слѣдуетъ-ли считать имѣющими законную силу и подлежащими исполненію тѣ приговоры и рѣшенія, которыя постановлены мировыми судьями послѣ полученія предписанія о сдачѣ ими должностей; другими словами, послѣ утраты ими званія судьи. Общее собраніе отвѣчало, *à la lettre*, такимъ образомъ: всякій приговоръ по уголовному и всякое рѣшеніе по гражданскому дѣлу, постановленныя мировыми судьями, сохраняютъ свою силу до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены высшею инстанціею, въ порядкѣ законами установленномъ. Поэтому, *въ опредѣленныхъ уставами жалобъ и протестовъ, никакой вопросъ о дѣйствительности и недѣйствительности приговоровъ и рѣшеній не можетъ быть возбуждаемъ*. Положимъ, это рѣшеніе плохой отвѣтъ на вопросъ, поставленный уголов. кассац. деп., но за то оно отлично отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный мною. Этотъ отвѣтъ нисколько не двусмысленный и останавливаться на немъ болѣе нѣтъ надобности.

V.

По закону, нарушенія подсудности и вообще судебскія ошибки устраняются точнымъ соблюденіемъ общихъ условій правильной судебной организаціи и своевременнымъ принятіемъ тѣхъ частныхъ мѣръ, которыя именно съ этою цѣлью указаны.

Ближайшее изслѣдованіе случаевъ отмѣны приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, составлявшее предметъ настоя-

щей статьи, показываетъ, что главною причиною ошибочныхъ приговоровъ и всего неправильнаго направленія практики по данному вопросу являются: неустройства административнаго и судебно-административнаго характера, несостоятельность нашихъ уголовныхъ законовъ, отсутствіе необходимыхъ юридическихъ познаній въ судебныхъ чинахъ, слабость пониманія взаимной связи законовъ и общей ихъ системы и въ особенности весьма значительная доза небрежности и перадынія со стороны должностныхъ лицъ, — это все причины общаго характера; устраненіе ихъ мѣрами общаго же характера, указанными въ законѣ, вполне возможно и, разъ это будетъ сдѣлано, сила судебного рѣшенія явится принципомъ не одной только необходимости, но и высшимъ принципомъ справедливости, равно дорогимъ какъ для общества, такъ и для частныхъ лицъ.

Не слѣдуетъ-ли, однако, отказаться отъ его услугъ, пока общія условія правильнаго суда не будутъ приведены въ порядокъ? Отнюдь нѣтъ! Сила судебного рѣшенія прежде всего необходима какъ правило практически-неизбѣжное, но затѣмъ ее слѣдуетъ поддерживать именно какъ принципъ. Слѣдуетъ поддерживать потому, что въ ней заключается великое прогрессивное начало суда. Въ этомъ смыслѣ, чѣмъ хуже будутъ послѣдствія примѣненія этого начала, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ повелительнѣе будетъ необходимость обратиться къ усовершенствованію такихъ общихъ условій, безъ которыхъ собственно говоря и немыслимъ правый судъ. И наоборотъ, достаточно допустить послабленія въ примѣненіи этого начала и тогда исчезнетъ главное побужденіе къ усовершенствованію существующихъ порядковъ.

Соблюденіемъ общихъ условій судебной организаціи судейскія ошибки сами собою предупреждаются. Пренебреженіемъ этими условіями они плодятся. Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ себѣ добросовѣстнаго, внимательнаго, знающаго судью, простой, ясный и точный уголовный законъ, дѣятельное обвиненіе, зоркую защиту, суды обжалованія апелляціоннаго и кассационнаго, способные къ выполненію своей задачи, то это

будетъ именно тотъ порядокъ вещей, который предвидѣнъ нашимъ закономъ, а другимъ онъ и не долженъ быть. Но кто же усумнится въ томъ, что при такомъ порядкѣ значительная, грубая судебская ошибка можетъ явиться чудовищною случайностью и не болѣе!

Даже второстепенныя ошибки этого рода становятся невозможными, коль скоро будутъ своевременно приняты частныя мѣры, спеціально установленныя закономъ для огражденія приговоровъ отъ подобныхъ ошибокъ. Подробное разсмотрѣніе ихъ достаточности завлекло-бы меня дальше поставленной цѣли; я ограничусь простымъ перечисленіемъ ихъ. Эти частныя мѣры въ самомъ законѣ распадаются на группы, соотвѣтствующія категоріямъ изложенныхъ случаевъ. А именно:

1) Для предупрежденія нарушеній подсудности по званію лица: а) военной — предписывается извѣщеніе военнаго начальства о началѣ и прекращеніи преслѣдованія (ст. 1243 и др.); устанавливаются правила, разграничивающія военную и гражданскую подсудность (ст. 219 — 227), и открывается возможность для военнаго начальства, въ качествѣ самостоятельнаго представителя военно-судебной власти, а не въ качествѣ третьяго лица, вступаться въ пререканія, доводя дѣло до сената (237 и 238); б) тѣ же мѣры извѣщенія, опредѣленія подсудности и права возбужденія пререканій до рѣшенія дѣла установлены и для огражденія духовной подсудности по званію лицъ (1017—1025; 237 и 238); в) въ отношеніи волостныхъ судовъ существуетъ единственный пробѣлъ въ судебныхъ уставахъ, объясняемый особенностями этихъ судовъ; впрочемъ, въ положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и въ сельско-судебномъ уставѣ достаточно правилъ, способныхъ удержать этотъ судъ отъ крайнихъ ошибокъ въ опредѣленіи подвѣдомственности дѣлъ.

2) Для предупрежденія нарушеній подсудности по свойству дѣлъ: а) въ отношеніи гражданского суда дѣйствуютъ ст. 27, 542 и др.; б) военнаго и духовнаго суда статьи, ука-

занные выше, и сверхъ того ст. 1001—1016 и 542; с) подсудности высшимъ судамъ ст. 39, 217, 231—235 и др.: d) подвѣдомственности дѣлъ администраціи, а не суду,—ст. 1124 и 1214 съ ихъ приложеніями; возможность прямого участія администраціи въ дѣлѣ (ст. 1124—1235), порядокъ пререканій (ст. 239—245).

3) Для устраненія всѣхъ прочихъ судейскихъ ошибокъ въ судопроизводствѣ, толкованіи и примѣненіи уголовныхъ законовъ, и для охраненія всѣхъ предыдущихъ постановленій, нѣтъ другихъ частныхъ мѣръ, кромѣ обжалованія частнаго, апелляціоннаго и кассационнаго.

Сводя эти частныя мѣры въ одно съ общими, слѣдуетъ признать полную достаточность ихъ для предупрежденія судейскихъ ошибокъ всякаго рода, или, по крайней мѣрѣ, для сведенія ихъ къ тому минимуму, который неизбѣженъ во всякой системѣ и потому неопасенъ.

VI.

Направленіе, признаки котораго обнаруживаются въ нашей судебной практикѣ по вопросу объ отлѣтѣ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, едва-ли отвѣчаетъ: а) общимъ намѣреніямъ, имѣвшимся въ виду при судебной реформѣ; б) постановленіямъ устава уголовного судопроизводства; в) несогласно съ достоинствомъ судебной власти, интересами общественнаго порядка и правами отдельныхъ лицъ.

Я постараюсь кратко изложенными доводами подтвердить отдѣльные пункты этого моего заключительнаго положенія.

1) Твердость правъ, охраняемыхъ закономъ, существуетъ только тамъ, гдѣ законы отличаются свойствомъ постоянства, твердости и непоколебимости. Безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, безъ убѣжденія, что пріобрѣтенное мною право есть мое неотъемлемое право, не можетъ быть ни государственнаго, ни личнаго благополучія. Считая неустойчивость нашихъ законовъ и нашихъ правъ величайшимъ зломъ нашей

общественной жизни и главною причиною повсемѣстнаго отсутствія чувства законности, составители судебныхъ уставовъ обратили особое вниманіе на то, чтобы введеніемъ правпльнаго судебного устройства парализовать это зло. Самымъ виднымъ изъ постановленій этого рода является та самая законная сила судебного приговора, которой я посвятилъ настоящую статью. Я допускаю даже, что кассація въ интересахъ закона, этотъ недурной коррективъ непоколебимости приговоровъ, была не принята составителями судебныхъ уставовъ, главнымъ образомъ, по желанію ихъ устранить всякій поводъ, соблазнъ и предлогъ къ поколебанію силы рѣшеній не подлежащихъ спору. Такимъ образомъ, это начало имѣетъ въ нашемъ судопроизводствѣ особое, такъ сказать, сугубое значеніе. Какъ лекарство, оно должно дѣйствовать даже тамъ, гдѣ оно причиняетъ боль. Отступленія отъ этого начала у насъ, пока, опаснѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Тѣ исключенія изъ него, которыя могутъ быть безопасно допущены въ любомъ европейскомъ государствѣ, гдѣ чувство законности есть такъ сказать черта общественныхъ нравовъ, невозможны у насъ, ибо мы еще нуждаемся въ политическомъ воспитаніи. Сила судебного рѣшенія именно политически воспитываетъ отдѣльных лицъ, администрацію и самую магистратуру въ сознаніи, что сила закона есть сила неизбѣжная, неотразимая, передъ которой всякій долженъ преклониться. Никакое другое проявленіе государственной дѣятельности не можетъ дать такого нагляднаго представленія объ этой силѣ, какъ судебное рѣшеніе, а такъ какъ рѣшеній и приговоровъ ежегодно постановляются десятки и сотни тысячъ, то и воспитаніе, въ духѣ необходимости подчиненія закону, хотя-бы и несправедливому, идетъ быстро и повсемѣстно. Наоборотъ, частая отмѣна приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, убѣждая въ непрочности того, на что опираются права сотенъ тысячъ людей, только питаетъ и поддерживаетъ общественную болѣзнь беззаконія.

Воспитательное значеніе силы судебного рѣшенія важно и въ другомъ отношеніи. Давно уже замѣчено, что возмож-

ность исправленія приговоровъ по существу усыпляетъ вниманіе и добросовѣстность судьи. Приговоры постановляются на угадъ, необдуманно, безъ надлежащихъ справокъ съ закономъ, въ убѣжденіи, что если они окажутся несправедливыми, то на нихъ будетъ жалоба, а затѣмъ уже произойдетъ и исправленіе ихъ. Это одинъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ апелляціи. Возможность отмѣны приговора, вошедшаго въ законную силу, подъ шумокъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, а не въ видѣ чрезвычайнаго случая, возбуждающаго общественное вниманіе и негодованіе, развращаетъ судью гораздо болѣе, чѣмъ апелляціонный способъ обжалованія. О значеніи силы судебныхъ рѣшеній для частныхъ лицъ и говорить нечего, она главнымъ образомъ оберегаетъ ихъ права.

Сознавая это государственное, судебное, общественное и личное значеніе принципа силы судебного рѣшенія, составители судебныхъ уставовъ, допустивъ извѣстныя намъ исключенія изъ него, сдѣлали съ своей стороны все, чтобы эти исключенія являлись не иначе, какъ въ формѣ чрезвычайныхъ случаевъ.

Общій характеръ нашихъ законовъ о возобновленіи дѣлъ очевиденъ; случаи возобновленія уголовныхъ дѣлъ установлены съ прямой и явною выгодною для судившихся. Въ интересѣ осужденныхъ законъ допускаетъ въ нѣкоторой степени стремленіе къ обнаруженію абсолютной истины. При возбужденіи дѣла во вредъ осужденному онъ безусловно довольствуется относительной истиной приговора и дѣлаетъ изъ нея исключеніе только тамъ, гдѣ это начало покровительствовало бы преступленіямъ.

Направленіе, принятое сенатомъ, идетъ въ разрѣзъ съ этими намѣреніями составителей судебныхъ уставовъ. Дѣлая отмѣну приговоровъ явленіемъ зауряднымъ, оно ослабляетъ то содѣйствіе водворенію чувства законности, которому оно должно бы способствовать.

Являясь крайне снисходительнымъ къ отмѣнѣ приговоровъ съ явнымъ вредомъ для осужденныхъ, сенатъ, напротивъ, крайне

взыскателенъ при отмѣнѣ въ пользу ихъ. Въмѣсто того, чтобы, слѣдуя закону, довольствоваться въ послѣднемъ случаѣ вѣроятностью, требуя въ первомъ полной достовѣрности, сенатъ поступаетъ какъ разъ обратно.—Въ одиннадцатилѣтней практикѣ его, на сотни приговоровъ отмѣненныхъ во вредъ судившимся, нельзя насчитать и одного десятка отмѣнъ въ пользу ихъ.

Сила судебного приговора и рѣшенія есть не только необходимое правило судопроизводства, но и основной государственный законъ. Ст. 68, въ которой онъ изложенъ, не содержитъ въ себѣ никакихъ ограниченій; здѣсь ни однимъ словомъ не упоминается ни объ надлежащемъ судѣ, ни о законности рѣшенія. Ея правило кратко и ясно: „Окончательное судебное рѣшеніе частнаго дѣла (каково бы оно ни было) имѣетъ силу закона для того дѣла, по которому оно состоялось.“ Послѣдовательность требовала бы, чтобы и отмѣна приговора, какъ закона, допускалась не иначе, какъ по опредѣленію законодательной власти. Англійское законодательство, разрѣшающее пересмотръ рѣшенія только по опредѣленіямъ палаты лордовъ, вполне соответствуетъ этому требованію. На континентѣ, гдѣ въ раздѣленіи властей до сихъ поръ видятъ единственное средство огражденія самостоятельности каждой изъ нихъ, принята болѣею частію система отмѣны приговоровъ, вступившихъ въ законную силу, опредѣленіями высшихъ судебныхъ мѣстъ. Это однако не измѣняетъ существа дѣла. Законная сила рѣшенія все таки должна внушать къ себѣ то уваженіе, которое прилично закону, и въ случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ, сила рѣшенія не должна быть колеблема.

Ошибочно было-бы думать, что непререкаемость и непреложность рѣшеннаго дѣла есть исключительное свойство судебныхъ дѣлъ. Съ трудомъ можно представить себѣ благоустроенное государство, въ которомъ это начало не было-бы общепризнаннымъ во всѣхъ категоріяхъ общественныхъ дѣлъ. Представимъ себѣ самый пустой примѣръ административнаго рѣшенія. Чѣмъ выше должностное лицо или мѣсто,

тѣмъ непреложнѣе его постановленія. Если для охраненія тѣхъ интересовъ, которыхъ оно касается, въ большей части случаевъ допускаются жалобы, то эти жалобы не могутъ быть безконечны. Рано или поздно наступаетъ моментъ, когда право жалобы прекращается и опредѣленіе или постановленіе дѣлается окончательнымъ, неоспоримымъ. Почему? Потому ли, что оно не можетъ быть ошибочно? Конечно нѣтъ! ошибки въ природѣ человѣческой; а потому, что никакое отношеніе не можетъ находиться вѣчно въ спорномъ состояніи. Въ подобныхъ случаяхъ, законъ надѣется, что гарантіи, заключающіяся въ составѣ рѣшающаго мѣста или въ свойствахъ лица, въ способѣ его избранія, въ его служебномъ положеніи, въ большинствѣ случаевъ приводятъ къ достаточно справедливому рѣшенію, и если это предположеніе не оправдывается на дѣлѣ, то это значитъ, что гарантіи не должны быть слабы, а вовсе не то, что перевершенія должны быть безконечны.

Наше законодательство издавна не отвергало этихъ началъ. По ст. 282 и 975 II т. св. зак. рѣшеніямъ старыхъ судебныхъ мѣстъ и рѣшеніямъ органовъ администраціи, съ наступленіемъ извѣстнаго момента, усвоивается также непрекаемая сила. Положимъ, что по нѣкоторымъ особенностямъ нашей общественной жизни эти правила никогда не были практически сильны, но именно поэтому-то судебные уставы и не ограничились простымъ признаніемъ необходимости этого начала, а сдѣлали все, что было нужно, для того, чтобы законъ былъ дѣйствительнымъ, а не писаннымъ только правиломъ.

Общественные привычки также сильны, какъ и привычки отдѣльныхъ людей. Я думаю, что этому обстоятельству, а именно: слабому развитію чувства законности въ нашемъ обществѣ, убѣжденію ежедневнаго опыта, что всякій законъ можно передѣлать, и если онъ намъ лично не нравится или неудобенъ, то подчинить его себѣ, вмѣсто того, чтобы подчинить себя ему, мы обязаны тѣмъ, что у насъ съ перваго же шага, быть можетъ и безсознательно, укоренился снисходительный

взглядъ на отмѣну приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу.

Я полагаю, что противорѣчіе такого направленія духу и буквѣ судебныхъ уставовъ, послѣ всего сказаннаго, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

3) Несогласіе направленія, принятаго нашею судебною практикою, съ достоинствомъ судебной власти также очевидно.

Составители судебныхъ уставовъ ясно выразили свое воззрѣніе на силу судебного приговора. По убѣжденію, не разъ имъ высказанному, съ момента вступленія приговора въ законную силу онъ получаетъ значеніе непоколебимаго памятника человѣческаго правосудія, со всѣми его слабостями и недостатками. Эти недостатки не могутъ освобождать ни осужденнаго, ни общество отъ необходимости подчиненія силѣ приговора. Значеніе его вполне равномерно. Общество также мало въправѣ доказывать виновность оправданнаго, какъ и осужденный свою невинность. Съ момента вступленія въ силу закона, рѣшеніе считается истинною и никакая власть не въправѣ отвергать ея. Сомнѣваться въ этомъ, это значитъ отрицать возможность правосудія, обращать его въ пустое слово (стр. 36).

Положеніе, предназначенное закономъ для судебной власти, можетъ быть занято ею только лишь при условіи довѣрія и уваженія къ ея дѣйствіямъ вообще и къ главнѣйшему изъ нихъ — приговору — въ особенности. Но довѣрія къ суду не можетъ быть тамъ, гдѣ конечные акты правосудія являются лишенными всякаго значенія. Безразборчивая отмѣна приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, непосредственно вредитъ интересамъ суда, а слѣдовательно и его достоинству.

Судебная власть можетъ занять твердое положеніе въ государствѣ только тогда, когда всѣ безъ исключенія — власть и подвластные, общество и частныя лица — будутъ ежедневнымъ опытомъ поддерживать въ себѣ убѣжденіе, что судебнымъ приговорамъ свойственна непоколебимая сила. Возможность устра-

ненія этой силы, возможность объявленія неправымъ того, что по закону право, порочнымъ того, что по закону свято, съ легкостью отмѣны какого либо полицейскаго распоряженія, несовмѣстно съ достоинствомъ судебной власти, ибо порождаетъ, вмѣсто уваженія къ ней, пренебреженіе, а затѣмъ и презрѣніе.

Отмѣна приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, по мысли закона допустима лишь при условіяхъ крайней осмотрительности и всевозможной осторожности. Замѣчаемъ-ли мы какіе либо признаки этой осторожности и осмотрительности въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которые сюда относятся? А между тѣмъ, по справедливому убѣжденію составителей судебныхъ уставовъ „малѣйшее снисхожденіе въ этомъ отношеніи будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что на дѣлѣ правосудіе вовсе не будетъ существовать и его мѣсто замѣнитъ безграничный произволъ“ (стр. 36).

Судебная власть непосредственно заинтересована въ томъ, чтобы высшій ея представитель—сенатъ, поставленный на стражѣ законовъ, являлся въ своихъ рѣшеніяхъ неумолимымъ ревнителемъ законности, былъ рабомъ ея. Но если это высшее учрежденіе даетъ примѣръ элементарныхъ противорѣчій, если мѣсто точнаго, яснаго для всѣхъ, несомнительнаго закона заступаетъ цѣлый рядъ безпринципныхъ рѣшеній, въ которыхъ нельзя отыскать слѣдовъ строгой законности, то кто же рѣшится утверждать, что отъ этого порядка не страдаетъ тяжело и непоправимо достоинство судебной власти?

Исполненіе противузаконныхъ требованій никогда не проходитъ безъ борьбы и упадка уваженія какъ къ собственному достоинству исполняющаго, такъ и къ достоинству повелѣвающихъ. Сознаніе необходимости законности и пользы принципа силы судебного рѣшенія уже созрѣло въ нашей судебной жизни. За ничтожными исключеніями, мы видимъ, что почти каждый случай требованія отмѣны приговора, вошедшаго въ законную силу, предъявленнаго не черезъ сенатъ, встрѣчаетъ отказъ отъ подлежащихъ судебныхъ мѣстъ. Предписаніе и необходимость совершить дѣйствіе, противное за-

кону, не может не производить упадка уваженія къ достоинству власти. Составители судебныхъ уставовъ тщательно избѣгали возможности подобныхъ унижительныхъ коллизій; эти традиціи забыты.

О несогласіи установившейся практики съ интересами общественнаго порядка и правами отдѣльныхъ лицъ много говорить не стоитъ. Она ясна какъ день.

Гдѣ нѣтъ довѣрія къ судебной власти, тамъ не можетъ быть общественной безопасности и спокойствія, говорятъ составители судебныхъ уставовъ. Уничтоженіе понятія о непреложной силѣ судебного рѣшенія замѣняетъ: общественный порядокъ—беспорядкомъ, спокойствіе — смутю, чувство безопасности—неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Оно выбрасываетъ ежегодно въ общество массы людей, которые сами не знаютъ и никто имъ не можетъ сказать, не исключая и самаго сената, покончили-ли они свои счеты съ правосудіемъ или же нѣтъ; были ли произведенный надъ ними судъ надлежащъ или ненадлежащъ; могутъ ли они начать снова жизнь свободныхъ людей или же завтра ихъ свобода по злобѣ, прихоти, произволу или случайности подвергнется новому испытанію. Оставленіе въ подозрѣніи, эта отвратительная мѣра инквизиціоннаго порядка вещей, отмѣнена какъ величайшее общественное зло. Но что же значитъ уничтоженіе силы судебного рѣшенія, внѣ законныхъ случаевъ, какъ не произвольное распространіе этой пагубной мѣры на всю массу осужденныхъ и оправданныхъ безъ исключенія.

Принципъ силы судебного рѣшенія французы справедливо называютъ опорю и охраною домашняго очага, мира семействъ и личныхъ правъ. И это вѣрно! Не надо забывать, что преступленіе не всегда ремесло, но также и несчастіе; что подсудимый не всегда одинокъ, а можетъ имѣть семью, близкихъ лицъ, дорогія ему связи и интересы; все это рушится по произволу при отмѣнѣ приговора, особенно отбытаго.

Относительно частныхъ лицъ можно сказать слѣдующее: государство имѣетъ несомнѣнно право подвергнуть виновнаго

наказанію, но только въ мѣрѣ его вины. Никакими софизмами, никакими доводами о ненадлежащемъ судѣ и публичномъ интересѣ, нельзя оправдать съ точки зрѣнія справедливости приложенія одной минуты лишняго незаслуженнаго имъ страданія. Еслибы обвиняемый, даже съ помощью изворотовъ, но не совершая преступленія, избѣгъ всего заслуженнаго имъ наказанія, то это его право. Законъ уважаетъ въ немъ чувство или инстинктъ самосохраненія. Это ошибка; но изъ за того, что эта ошибка можетъ случиться, нельзя подчинять всѣхъ обвиняемыхъ вѣчному опасенію подвергнуться новому преслѣдованію, опасенію болѣе тяжкому, чѣмъ самое наказаніе, которому онъ могъ подвергнуться. И само общество, по поводу возможной рѣдкой ошибки, не вправѣ держать себя въ вѣчномъ враждебномъ настроеніи противъ всѣхъ лицъ, бывшихъ подъ судомъ (стр. 36). Таково сужденіе составителей судебныхъ уставовъ. Да и притомъ, — развѣ нравственная пытка самаго суда ничего не значитъ на вѣсахъ правосудія?

Я кончилъ и мнѣ остается сказать лишь нѣсколько заключительныхъ словъ.

Я желалъ бы прежде всего, и больше всего, чтобы доводы, кратко изложенные мною въ настоящей статьѣ, были встрѣчены безъ предубѣжденія. Предубѣжденіе и самолюбіе раздѣляютъ людей болѣе, чѣмъ самыя идеи; они же нерѣдко вліяютъ на принятіе или отрицаніе этихъ идей и оцѣнку ихъ достоинства. Не я виноватъ, если изъ обзора нашей практики по вопросу объ отмѣнѣ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, получается тяжелое и невыгодное для нея впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, это впечатлѣніе есть результатъ не обобщенія отрывочныхъ, безсвязныхъ случаевъ, а общаго духа и направленія практики, который я старался уловить. Предѣлы журнальной статьи не дозволили исчерпать весь матеріалъ, находившійся въ моихъ рукахъ, но, мнѣ думается, и сказаннаго достаточно, чтобы читатель вмѣстѣ со мною проникся убѣжденіемъ: 1) что направленіе нашей практики не цѣлесообразно и далеко расходится

съ закономъ; 2) что установленный закономъ порядокъ от-
мѣны приговоровъ, вошедшихъ въ силу, суть наилучшій и
наисправедливѣйшій, и 3) что внѣ этого порядка нѣтъ разум-
наго исхода изъ безконечныхъ затрудненій, возбуждаемыхъ
даннымъ предметомъ. Разъ это случится, я увѣренъ, все то,
что въ настоящей статьѣ можетъ быть признано согласнымъ
съ общественною и частною пользою, будетъ принято благо-
желательно и не пройдетъ безъ слѣда въ нашей юридической
жизни.

В. Володиміровъ.

